

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему:

**Становление испанской научной терминологии в эпоху Альфонса X
(на материале трудов королевской канцелярии)**

основная образовательная программа магистратуры по направлению подготовки
45.04.02 «Лингвистика»

Исполнитель:

Обучающийся 2 курса
Образовательной программы
«Теория и история языка и языки народов Европы»
Профиль «Романские языки»
очной формы обучения
Сивкова Нина Васильевна

Научный руководитель:
д.ф.н., доц. Шалудько И. А.

Рецензент:
к.ф.н. Непомнящая М. Л.

Санкт-Петербург
2018

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1 Терминология как объект изучения	6
1.1. Становление терминоведения как отдельной языковой дисциплины	8
1.2. Проблема дефиниции термина.....	10
1.3. Разграничение терминологии и общеупотребительной лексики	17
1.4. Терминоэлементы как минимальная составная часть термина.....	20
Глава 2 Языковая форма выражения терминов	23
2.1. Терминология в свете требований, предъявляемых к идеальному термину. 24	
2.2. Особенности терминологической номинации (терминообразования)	29
2.3. Особенности терминологических ключей.....	34
2.4. Экстралингвистические факторы формирования терминологии.....	35
2.5. Основные направления политики Альфонса X Мудрого	36
2.6. Лингвистические закономерности терминопроизводства	43
2.6.1. Морфологическое терминообразование	44
Глава 3 Языковая политика Альфонса X Мудрого.....	50
3.1. Понятие альфонсийской нормы.....	53
3.2. Графическая вариативность	54
3.3. Введение новых терминов и определений.....	56
3.4. Испанизмы и заимствования	59
3.5. Терминообразование в лексике XIII века	63
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	73
Список использованной литературы.....	75

ВВЕДЕНИЕ

Тема данной работы связана с изучением формирования научной терминологии в эпоху правления короля Альфонса X Мудрого. Исследование посвящено второй половине XIII века – периоду, когда благодаря альфонсийской канцелярии и инициативе короля в частности, были созданы выдающиеся памятники европейской средневековой мысли, ставшие первыми шагами кастильского языка на пути к становлению его научной терминологии. В работе были рассмотрены труды, демонстрирующие интерес короля к таким наукам, как астрология, астрономия и римское право. К таким произведениям относятся: «Лapidарий» («Lapidario»), «Книга знаний по астрономии» («Libros del saber de astronomía»), «Семерик» («Setenario») и «Семь Партид» («Las Siete Partidas»). Уникальность данных произведений продиктована их выделением из контекста произведений, появившихся в Европе в рассматриваемую эпоху. Альфонс X стал первым королем, издавшим произведения научного характера на романсе. Так, латынь и арабский, на которых были записаны многие научные тексты, стали вытесняться из употребления «вульгарными языками». До начала правления Альфонса X тексты на арабском переводились сразу несколькими специалистами. Сначала арабский текст переводили на романсе, затем полученный результат переводился на латынь. Именно Альфонс Мудрый отменил последний этап переработки. Одни из первых научных текстов на национальном языке были созданы именно в Кастилии. В их число входят вышеупомянутые произведения.

Альфонс X, как и многие его современники, ориентировался на основные направления средневекового научного познания и твердо верил в научный характер астрологии и магические свойства камней. Благодаря текстам, посвященным астрологии, кастильский язык усвоил лексику математической и технической терминосистем. Данные произведения не только легли в основу национальной и латиноамериканской научных традиций, но и способствовали развитию литературного испанского языка. Этими фактами продиктован выбор темы для исследования. Актуальность работы обусловлена необходимостью

изучения первых памятников староиспанского языка, что является одним из направлений романской филологии. Исследование проводилось не только на материале трудов по астрологии и астрономии, но и с привлечением такого источника, как «Семь Партид». Использование этого текста, также созданного альфонсийской канцелярией, показалось нам необходимым для прояснения некоторых особенностей языка. В этом, по нашему мнению, заключается научная новизна работы. Тексты, созданные в эпоху правления Альфонса X, являются неистощимым источником для изучения, и за несколько столетий, прошедших со времени их появления, историками и лингвистами было проведено множество исследований на материале свода. Это объясняется новаторским характером и значимостью произведений: они являются одними из первых прозаических памятников на кастильском языке и фундаментом испанской научной традиции.

Однако несмотря на повышенный интерес ученых к работам канцелярии, с их научным изучением связан ряд проблем. Свои гипотезы относительно авторства, датировки и источников текстов выдвигали многие ученые, но на многие вопросы, касающиеся этих произведений, до сих пор нет однозначных ответов. Языковым особенностям были посвящены работы таких лингвистов, как Р. Лапеса, Р. Кано Агилар, И. Фернандес-Ордоньес, Г. Клаверия Надаль и др.

Целью данной работы является выявление основных особенностей языка терминологии этого периода. Эти цели определили задачи исследования, в которые входило:

- рассмотреть особенности терминологического словообразования;
- описать экстралингвистические факторы становления терминологии в эпоху правления Мудрого Короля, которые продиктованы основными направлениями политики Мудрого Короля, а также предпосылками к созданию данных произведений и целей, которых король стремился достичь с их помощью;
- рассмотреть лингвистические особенности научных текстов;
- определить основные направления языковой политики Альфонса X;

- изучить понятие альфонсийской нормы;
- проанализировать термины и понятия, раскрывающиеся в текстах альфонсийской канцелярии;
- рассмотреть группы заимствований и способы образования новых терминов, характеризующих лексику XIII века.

Объектом настоящего исследования являются научные тексты XIII века, созданные по инициативе Альфонса X Мудрого. Предметом исследования стали особенности терминологического языка, отраженные в текстах памятников испанской словесности.

В исследовании рассмотрены преимущественно лексические особенности языка. Изучение явлений, характерных для языка XIII века, имеет практическую значимость, так как подобранные примеры могут быть использованы в практических курсах по истории языка и лексикографии. При написании работы мы руководствовались такими методами исследования, как описательный (при классификации терминов) и сравнительно-исторический (при рассмотрении изменения значений терминов).

Указанным выше задачам соответствует структура изложения материала. Работа состоит из введения, трех глав и выводов к каждой главе, заключения и библиографии, насчитывающей более 50 названий.

Глава 1

Терминология как объект изучения

Существует множество факторов, обуславливающих актуальность изучения испанской научной терминологии. Данный вид терминологии представляет собой обширный пласт лексики, который примечателен динамикой своего интенсивного развития, а также активным взаимодействием с остальными слоями словарного состава испанского языка, в частности, с его общелитературной лексикой. Существует большое количество различных исследований, затрагивающих вопросы терминоведения и обладающих самой разнообразной проблематикой. Проведенные за последние десятилетия исследования новых аспектов в рассматриваемом пласте лексики расширили не только границы их описания, которые были традиционно установлены, но также и область изучения в целом.

Ввиду интенсивного увеличения количества достижений научно-технического прогресса, терминология представляет собой самый подвижный пласт лексики. Следовательно, экстралингвистические факторы оказывают непосредственное влияние на данную часть словарного состава языка и способствуют ее интенсивному развитию. Значение исследований, посвященных научным терминологическим системам, является довольно обширным, так как оно затрагивает сразу несколько аспектов как теоретического, так и практического характера. Изучение терминологических систем касается основных алгоритмов их становления, а также вопросов упорядочения отраслевой лексики, ее унификации и соответствия определенным стандартам, решения проблем представления данной лексики в словарях.

Многие современные лингвисты ставят перед собой задачу исследования закономерностей, согласно которым происходит формирование терминологической лексики, а также рассмотрения ее семантики и структуры. Как известно, обоснованная терминология в условиях научно-технического прогресса способна умножить богатство словарного состава национальных языков, а также

оказывать благотворное влияние на взаимопонимание между специалистами и исследователями из самых разных стран. Как утверждает исследователь Ж. Багана, все профессиональные системы базируются на грамматической основе общенационального языка, но имеют свои отличия в области словообразования [Багана, 2012, С.51]. Как известно, в области производства или науки любая отрасль имеет свою специальную терминологию, которая, в свою очередь, является подсистемой с относительно четкими границами и представляет собой определенную совокупность слов и словосочетаний. Эта совокупность соотносится с системой тех понятий отрасли, которые она выражает.

В современном мире мы часто сталкиваемся с терминологией и учимся владеть ею, ведь наука и техника развиваются быстрыми темпами, и постоянные открытия в этих областях имеют большое значение в жизни современного человека и общества целом. Основой языка науки является именно терминология, и вследствие этого многие ученые по всему миру выбирают в качестве объекта изучения именно профессиональную коммуникацию. Рассматривая любую науку с целью установления этапов ее эволюции, ученые принимают во внимание тот факт, что наука не может развиваться, если не формируется ее терминология, становление которой, в свою очередь, невозможно, если не происходит научного прогресса. Таким образом, эти явления взаимообусловлены, и поэтому ученые уделяют особое внимание тому, как именно формируется терминологический аппарат рассматриваемой науки.

Благодаря научно-техническому прогрессу и обмену знаний в различных средах профессиональной деятельности, словарный состав языка постоянно пополняется, и происходит это непосредственно через терминологию. Среди различных частей лексической системы языка одной из самых подвижных считается терминология, это обусловлено явлением детерминологизации. Это означает, что многие часто употребляемые термины могут получить статус общеупотребительной лексики, соответственно, они заменяются терминами, которые обозначают уже новые открытия в областях науки и техники, но

вследствие частотности своего употребления эти термины также могут превратиться в общеупотребительные слова. Таким образом, одной из актуальных задач лингвистики является именно изучение терминологии.

Уровень развития определенной области науки и техники влияет на границы ее понятийного аппарата [Багана, 2012, С.51]. Главной задачей процесса научного познания является стремление к отражению действительности, что воплощается именно в форме понятия. Соответственно, понятие есть результат научного познания, но оно есть и его орудие. В окружающей действительности все предметы и явления наделены свойствами как общего, так и отличительного характера, отражаемыми в понятиях и являющихся их содержанием. И обязательным условием научного познания является сознательное терминотворчество, имеющее большое значение. Однако человек способен создать научные термины и терминологические системы, только если он обладает глубоким и детальным знанием языкового материала и учитывает необходимые требования языковых законов, определяющих в той или иной мере развитие терминологических процессов. И процесс развития терминологического аппарата в Испании в эпоху правления короля Альфонса X Мудрого является ярким примером сознательного терминотворчества, благодаря которому во многих специальных областях знания происходило интенсивное пополнение словарного состава – процесса, обусловленного различными экстралингвистическими и интралингвистическими факторами.

1.1. Становление терминоведения как отдельной языковой дисциплины

До середины XX века исследования по терминологии не находились в центре внимания лингвистов, однако со временем они смогли занять свою нишу как в отечественном, так и в зарубежном языкознании. Зарождение терминоведения было связано с именем австрийского ученого Ойгена Вюстера, который опубликовал свои первые труды, посвященные данной теме, в 30-е годы XX века, и которого по праву мы можем назвать родоначальником терминоведения. Процесс становления данной науки можно разделить на

несколько этапов: на первом этапе, охватывающем 30-е – 60-е годы XX века, начали формироваться определенные основы терминоведения, которое стало рассматриваться как теоретическая дисциплина. Термины стали выделяться из общезыкового фонда как специальные слова, соответствующие строгим семантическим критериям (таким, как: однозначность, системность, номинативность, дефинитивность и стилистическая нейтральность). На втором этапе, проходившем в 60-х – 80-ых годах прошлого столетия, терминоведение перешло в разряд самостоятельной научной дисциплины, задачи которой носили как теоретический, так и прикладной характер. В данный период многие лингвисты рассматривали терминологию как часть лексической системы и исследовали проблему выполнимости семантических требований к термину. На третьем этапе, начавшемся в 90-е годы XX века, ученые начали выделять терминоведение уже как комплексную науку, обладающую теоретическим и практическим значением с множеством направлений, изучающих природу и сущность термина с разных точек зрения, а также структуру терминосистем, их происхождение и функционирование. Терминами стали обозначать лексические элементы, употребляющиеся в языках для специальных целей. Кроме того, начала расти тенденция к унификации терминологии, ее превращения в структурированную систему.

Теоретические работы, ставшие важными вкладами в развитие отечественного терминоведения, принадлежат перу таких ученых, как Г.О. Винокур, Б.Н. Головин, В.П. Даниленко, Т.Л. Канделаки, Р.Ю. Кобрин, Т.С. Коготкова, Т.В. Крючкова, В.М. Лейчик, Д.С. Лотте, А.И. Моисеев, А.А. Реформатский, А.В. Суперанская, Е.Н. Толикина и других.

Теория термина прошла долгий путь к своему становлению. Например, слово «термин» в 50-е годы XX века использовалось учеными гораздо реже, чем слово «профессионализм»: в знаменитом труде Х. Касареса «Введение в современную лексикографию», изданном в Мадриде в 1950 году, есть раздел под названием: «Профессионализм». Такое же предпочтение слову

«профессионализм» отдавалось и в трудах отечественных лингвистов. Однако, по мнению Ж. Багана, это явление можно объяснить тем, что данная лексема, образованная по русскому образцу, была принята отечественными специалистами таким образом, потому что она обладала четкой мотивированностью, подчеркивая сферу употребления слова, существовавшую сугубо в рамках определенной профессии [Багана, 2012, С.28].

На данный момент современные лексикологи проводят четкую границу между «термином» и «профессионализмом», поскольку в середине прошлого столетия была разработана собственно лингвистическая теория термина, результатом чего стало заимствование нового термина. Большинство современных лингвистов являются сторонниками следующего утверждения: «Разница между термином и профессионализмом заключается в том, что термин - это совершенно официальное и узаконенное в данной науке название какого-то понятия, а профессионализм - полуофициальное слово, распространённое (чаще в разговорной речи) среди людей какой-то профессии, специальности, но не являющееся, в сущности говоря, строгим, научным обозначением понятия» [Квитко, 1976, С.7¹].

1.2. Проблема дефиниции термина

Несмотря на длительную традицию исследований, посвященных развитию терминоведения, проблема определения термина до сих пор остается одним из главных вопросов современного языкознания. В лингвистической литературе существует множество точек зрения на эту тему, выработаны разнообразные дефиниции понятия «термин», которые дополняют друг друга, однако до сих пор ни одна из них не была признана лингвистами универсальным и исчерпывающим определением. Отсутствие конкретного определения только больше способствует стремлению лингвистов найти авторитетную трактовку и обнаружить место

---

¹ Квитко И.С. Термин в научном документе / И.С. Квитко. – Львов: Изд-во при Львовск. ун-те, 1976; цит. по: Багана, 2012, С.29

терминологической лексики в системе языка.

Неоднозначность понимания этого лингвистического явления связана с многогранностью проблемы статуса терминологической единицы. По мере того, как исследователи отказывались от причисления термина к другим единицам общеупотребительной лексики, больше внимания ученых стало обращаться на внешнюю и внутреннюю структуру термина. Мы можем лишь рассмотреть основные тенденции исследования этого вопроса и выделить наиболее авторитетные современные варианты дефиниции понятия «термин», в которых указываются некоторые его свойства. В первую очередь, следует обратиться к связи информации, содержащуюся в слове «термин», с его этимологией. Согласно «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера, латинское слово *terminus* означает «пограничный знак» [Фасмер, 2008, С.4,48]. В Лингвистическом энциклопедическом словаре указано следующее: «Термин (от лат: *terminus* - граница, предел) – это слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности. Он входит в общую лексическую систему языка, но лишь через посредство конкретной терминологической системы (терминологии)» [ЛЭС, 1990, С.508]. Также в Большом толковом словаре русского языка под редакцией С.А. Кузнецова термин обозначается как слово (или сочетание слов), являющееся точным обозначением определённого понятия, какой-либо специальной области науки и техники, искусства, общественной жизни и т.п. [Кузнецов, 2002²]. Согласно Толковому словарю русского языка, термин (предел, граница, лат.) в формальной логике выражает понятие, выраженное словом, и в то же время слово, являющееся названием строго определённого понятия //специальное слово и выражение, принятое для обозначения чего-нибудь в той или иной среде, профессии [Толковый словарь русского языка под ред. Ушакова, т.4, С.689³]. «Логический словарь» Н.И.

---

² Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб, 1998; цит. по: Будагов, 2002, С.27

³ Толковый словарь русского языка / Под ред. Ушакова, в 4 т. – М.: Русский язык, 1982; цит. по: Багана, 2012, С.27

Кондакова определяет термин как слово или словосочетание, представляющее собой точное название строго определенного понятия. «Термином называется также и специальное слово или выражение, принятое для обозначения чего-нибудь в той или иной среде, профессии» [Капанадзе, 1965, С.64⁴]. Многие терминоведы, рассматривая проблему определения термина, зачастую обращаются к его описанию как специфического знака, принадлежащего языковой системе. Так, например, исследователь Ф.А. Циткина определяет термин как «языковой знак, репрезентирующий научное понятие специальной, профессиональной отрасли знания» [Циткина, 1988: 10]⁵. Давая логическое определение термину, многие ученые обозначают его как любое специальное слово и именуют термином разнородные единицы. Например, А.В. Лемов дает следующее определение термина: «... это языковая единица (слово или словосочетание), которая носит преимущественно субстантивный характер, конвенционально соотносится с понятием и предметом профессиональной сферы и служит для концентрации, фиксирования, хранения и передачи профессиональной информации» [Лемов, 2000: 76]⁶. Таким образом, в данном определении мы обнаруживаем связь между такими компонентами, как языковая единица, понятие, предмет профессиональной сферы. И совокупность этих элементов, по мнению А.В. Лемова, представлена в термине. В основе философско-гносеологического определения, данного В.А. Звегинцевым, лежит признак знаковости термина и подчеркивается его логико-понятийный аспект: «... с помощью терминов в материальной форме закрепляются результаты познания; при этом термины фиксируют результаты познания в специальных областях»

---

⁴ Капанадзе Л.А. О понятиях «термин» и «терминология» / Л.А. Капанадзе // Развитие лексики современного русского языка. – М.: Наука, 1965; цит. по: Хижняк, 1997, С.27

⁵ Циткина Ф.А. Терминология и перевод / Ф.А. Циткина. – Львов: Вища школа, 1988; цит. по: Багана, 2012, С.29

⁶ Лемов А.В. Система, структура и функционирование научного термина: Автореф. дис ... д-ра филол. еаук / А.В. Лемов. – Н. Новгород, 2000; цит. по: Багана, 2012, С.30

[Звегинцев, 1957: 35]⁷. Существует и другое определение термина, сторонниками которого являются многие лингвисты: «Термин – это слово или словосочетание специального (научного, технического и т.п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое и т.п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [Ахманова, 1957, С.9]. Например, такой же трактовки придерживаются и Н.В. Подольская, А.В. Суперанская, Н.В. Васильева в своей совместной работе (1989). С.П. Хижняк определяет термин как «единицу какого-либо конкретного естественного или искусственного языка (слово, словосочетание, аббревиатура, символ, сочетание слова и цифр-символов), обладающую в результате стихийно сложившейся или особой сознательной коллективной договоренности специальным терминологическим значением, которое может быть выражено либо в словесной форме, либо в том или ином формализованном виде и достаточно точно и полно отражает основные, существенные на данном уровне развития науки и техники признаки соответствующего понятия. Термин – слово, обязательно соотносимое с определённой единицей соответствующей логико-понятийной системы в плане содержания» [Хижняк, 1997, С.24]. Девятнадцать дефиниций термина приводит В.П. Даниленко в своей работе «Русская терминология». Такую многочисленность приведенных дефиниций автор объясняет тем, что определяемый объект обладает разнообразными особенностями и до сих пор не изучен в необходимой степени, и кроме того, тем, что исследователи на данный момент не пришли к единому мнению насчет определения объекта. Например, некоторые исследователи ставят термин в оппозицию нетермину, поскольку наблюдают в одних случаях несовпадения по функции, в других – в сфере употребления самого понятия, и наконец – в его семантике. [Даниленко, 1976, С.68]. По мнению автора книги, термин означает слово (или словосочетание), которое входит в специальную сферу употребления, является наименованием специального понятия и требует дефиниции [Даниленко, там же, С.68].

---

⁷ Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях // В.А.

Звегинцев. – М.: Просвещение, 1957; цит. по: Шишканова, 2008, С.13

Исследователь Б.Н. Головин в своем определении термина утверждает, что под данным словом следует понимать терминоединицы со специальным значением, созданные для выражения и формирования профессиональных понятий и обозначающие логические единицы мышления для их применения в процессе познания. Данные единицы применяются для освоения научных и технических объектов и связывающих их отношений. Таким образом, ученый отмечает в качестве черты, объединяющей все термины, их способность строго логически отражать предметы и явления действительности [Головин, 1987, С.96⁸]. Лингвист Н.З. Котелова выделяет две характеристики терминов в качестве главных: 1) их конвенциональный характер, отличающий их от нетерминов «основное, неповторимое отличие термина - конвенциональность»; 2) их значения подвижны в зависимости от разных форм научного знания [Котелова, 1970, С.124⁹]. Рассматривая вопрос конвенциональности термина, Н.З. Котелова утверждает, что далеко не всегда введение терминов имеет конвенциональный характер, поскольку существует множество терминов, которые сложились вне зависимости от воли людей, то есть исторически. По мнению исследователя А.В. Суперанской, в науке и технике под словом «термин» следует понимать «специально культивируемое слово, придуманное искусственно или взятое из естественного языка, которое передают понятия», а также утверждает следующее: «Термины науки объединяются в терминологические системы иерархически организованных единиц, и своё значение они обретают лишь внутри этих систем, где им соответствуют логические (понятийные) терминологические поля» [Суперанская, 1976, С.74]. А.В. Суперанская подчеркивает тот факт, что каждому этапу развития науки сопутствует образование и уточнение научных терминологических единиц, что следует рассматривать как критерии термина системность, а также подвижность их значений. К похожему выходу приходит и исследователь А.С.

---

⁸ Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учений о терминах / Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин. – М: Высш. шк., 1987; цит. по: Хижняк, 1997, С.30

⁹ Котелова Н.З. К вопросу о специфике термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970; цит. по: Шишканова, 2008, С.9-10

Герд, причём следует подчеркнуть, что термин в его понимании – это слово с привязанным к нему искусственно и сознательно неким определением, которое, в свою очередь, соотносится с научным понятием [Герд, 1976, С.101¹⁰]. Исследователь Р.Ю. Кобрин, рассматривая существенные признаки термина, отмечает в качестве одного из его существенных признаков (как слова, так и словосочетания) то, что он соотносится с определенной системой понятий [Кобрин, 1976, с.176¹¹]. По мнению автора статьи, единицы общеупотребительной лексики, попадая в определенную терминосистему, становятся уже терминологическими. В одной из своих совместных работ лингвисты А.В. Суперанская, Е.Н. Толикина и др., анализируя взаимоотношения термина со словом и рассматривая первое как особую единицу, а второе – как единицу языка, противопоставляют их друг другу в данных качествах. Кроме того, эти ученые ставят терминологические системы в оппозицию микросистемам литературного языка, подчеркивая таким образом отличительные свойства терминологической и общеупотребительной лексики [Суперанская, 1989: 25-26, 28]. В той же работе исследователь Е.Н. Толикина предлагает свою филологическую трактовку, согласно которой термин следует определять как особое слово, входящее в лексический состав языка.

Как мы можем увидеть, однозначного определения термина пока не существует в лингвистической литературе. Тем не менее, рассмотрев выше описанные подходы различных исследователей к определению термина, мы обнаруживаем некие общие точки соприкосновения мнений различных ученых. Это позволяет нам сформулировать следующий промежуточный вывод: термин – это специальная лексическая единица, которой может быть как слово, так и

---

¹⁰ Герд А.С. Терминологическое значение и типы терминологических значений // Проблематика определения терминов в словарях различных типов. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ие, 1976; цит. по: Юдина, 2003, С.214

¹¹ Кобрин Р.Ю. О формальных критериях терминологичности и методологическом обосновании работ по унификации и стандартизации терминологии // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ие, 1976; цит. по: Шишканова, 2008, С.10

словосочетание; данная единица является частью специального языка и применяется для того, чтобы максимально точно именовать специальные понятия.

Примечателен тот факт, что, несмотря на большое количество исследований на данную тему и изобилие дефиниций, приведенных учеными, до сих пор не сложилось однозначного мнения об определении термина. Прежде всего, это связано с тем, что существует множество точек зрения о тех свойствах и функциях, которыми обладает термин. Следует добавить, что за все время развития терминоведения каждый ученый всегда анализировал термин с определенной точки зрения. Ввиду изобилия мнений так и не было сформулировано решение данного комплекса проблем, связанных с дефиницией термина. Как утверждает В.П. Даниленко, существует более 190 определений, и это вовсе не предел. Термин обладает множеством аспектов, и проблематично свести все в одну формулу. Как мы можем увидеть из приведенных подходов к данной проблеме, различные лингвистические определения сосуществуют с логическими и науковедческими, и ни одно из них не является общепринятым. Возможно, в терминоведении еще не в полной мере разработаны его основы, поэтому до сих пор не сложилось единого мнения о том, как дифференцировать некоторые его понятия, и в частности, как следует определять научно-технический термин. Решение этой проблемы усложняется еще и тем фактом, что термин как лексема не имеет постоянных свойств семантического и формального характера, поскольку он обладает ими лишь временно, пока обитает в рамках той или иной терминосистемы. Обычно ученые используют лишь рабочие определения, выбирая среди множества дефиниций самые оптимальные для их исследований. Это означает то, что определения, будучи неполными, тем не менее способны раскрывать его основные свойства и, как правило, отражают как минимум один его признак. Однако рассуждая о языковых особенностях терминологических единиц, некоторые ученые утверждают, что у проблемы есть пути решения. Например, по мнению В.П. Даниленко, есть возможность решить проблему лишь при изучении терминологической лексики там, где ее прямое назначение, то есть сугубо в ее языковой среде – в сфере функционирования

[Даниленко, 1976, С.7]. И пока у исследователей не появилось единогласного мнения по этой проблеме, работа терминоведов только будет продолжаться.

1.3. Разграничение терминологии и общеупотребительной лексики

В современной лингвистической литературе одной из самых актуальных проблем является разграничение термина и нетермина. Ввиду отсутствия исчерпывающей и однозначной дефиниции термина, в теоретическом плане перед нами возникает проблема неочевидности грани между терминологией и общеупотребительной лексикой, что приводит к многочисленным и оживленным дискуссиям и спорам между исследователями. Отсутствие четкого разграничения можно объяснить тем, что терминологическая лексика, являясь неотъемлемой частью словарного состава языка, вплетена в него так органично, что не всегда возможно ее вычленить. Однако множество ученых приходят к выводу, что необходимо широко трактовать терминологию, рассматривая под ней не только слова со специальным значением, которые требуют лексикографических примечаний.

Как мы понимаем, существует множество слов, принадлежащих исключительно определенным отраслям знания и не входящим ни в другие терминологические области, ни в обиходный язык. Однако в то же время есть такие лексические единицы, которые принадлежат сразу нескольким терминологиям и общеупотребительному языку. В рассмотренных нами работах исследователями зачастую выделяются те свойства термина, которые могут быть общими и с единицами обиходной лексики. Например, точность значения термина и его номинативность, стилистическая нейтральность и независимость от контекста. Как нам хорошо известно, никакая сфера деятельности не обладает монополией на определенные лексические единицы, целые наборы таких единиц вполне применимы как к другим сферам деятельности, так и к общеупотребительному языку. Зачастую лингвисты приводят в пример терминологию, переходящую в разряд межотраслевой в сфере права. Будучи отраслью человеческого знания, сфера права так же делится на частные отрасли, и

в свою очередь, каждая из них обладает своим набором терминов, формирующих подсистемы. Из известных нам подотраслей мы можем выделить уголовное право, гражданское, административное и многие другие. Такое вид деления подразумевает то, что различные терминологические единицы используются в терминосистемах различных частных отраслей права.

Кроме того, перед исследователями также возникает проблема детерминологизации, что порождает новые обсуждения среди специалистов. Результатом процесса детерминологизации может стать переход термина в разряд общеупотребительной лексики. В свою очередь, общебытовые слова способны превратиться в термины в результате терминологизации. Таким образом, в любой терминологии присутствуют такие лексические единицы, которые пересекаются с другими терминологиями и даже с общеупотребительной лексикой. Это отчасти объясняет нам то, почему в современной лингвистике до сих пор нет однозначного ответа на вопрос о сущности термина как особой лексической единицы и его базовых характеристиках.

В современных языковых системах термин обретает определенные свойства только тогда, когда он принадлежит терминологическому полю. Если это условие не выполняется, то те характеристики дефинитивного и системного характера, которыми обладает термин, перестают существовать, и запускается процесс его детерминологизации. Таким образом, мы можем сделать вывод о некоторых обязательных критериях к терминологии: она принадлежит определенному терминологическому полю, где реализуются ее свойства, а также она должна обладать научным определением.

Что примечательно, процесс детерминологизации проходит гораздо интенсивнее, чем процесс терминологизации. Однако не только популяризацию терминологического значения следует относить к причинам перехода термина в разряд общебытовой лексики, но и обретение термином переносного значения. В результате такой трансформации термины одной терминологии могут переходить в разряд другой. Как системы терминов, так и отдельные термины могут

испытывать различные изменения своей семантики. К подобным трансформациям можно также отнести увеличение функциональной нагрузки термина. Подобное происходит в том случае, если изменяется общее состояние науки и положения ее конкретных дисциплин. Это указывает нам на очередную обязательную характеристику термина: необходимо постоянное уточнение объема понятия, которое выражается термином, то есть он должен обладать семантической определенностью. Поэтому, как утверждает исследователь Е.Н. Юдина, термин никогда не будет обладать такой характеристикой, как окончательность [Юдина, 2003, С.7].

Еще одной особенностью термина, определяющей его своеобразие, является то, термину искусственно присваивается его значение, соотносящееся с научным понятием. Однако в большинстве случаев оно раскрывает только базовые и существенные характеристики научного понятия, не отражает все его признаки, которых гораздо больше, чем отражено в его определении. Значение термина не может совпасть с формой его определения и не несет в себе описание всех признаков определенного научного понятия. Это явление определяет специфику терминологии и ее репрезентацию в терминологических словарях. Для Е.Н. Юдиной представляется целесообразным и необходимым разграничить терминологию в строгом смысле слова и терминологию в широком смысле слова. Так как существенного разграничения между термином и нетермином на данный момент не существует, исследователь видит необходимость в выделении терминологии в узком и широком понимании. Если следовать данному утверждению, то к терминологии в узком понимании необходимо относить только специфические лексические единицы, обладающие соответствующими пометами в толковых словарях. Однако они не способны представить какую-либо терминологию исчерпывающим образом. Это можно объяснить тем, что каждая область знания состоит не только из присущих ей лексических единиц. Кроме того, существуют единицы, пересекающиеся с несколькими сферами понятий, а также единицы общенаучного уровня и единицы, обладающие широким значением – то есть те, которые употребляются в определенной области знания

настолько часто, что являются важной частью лексики, которая данную область знания обслуживает.

Если мы обратимся к терминологии в широком понимании, то увидим, что к ней относятся не только общебытовые слова, которые обладают определенным набором значений, среди которых есть и терминологические. К научной терминологии можно отнести и те общеупотребительные слова, у которых вообще нет терминологических значений, но без них было бы невозможно обойтись в полноценной профессиональной коммуникации. Таким образом, специальные лексические единицы включены в толковые словари в сопровождении соответствующих помет, и этот факт позволяет нам сделать вывод о той органичности, с которой терминология вписывается в общелексическую систему любого языка.

Научная терминология обладает семантическим единством тех единиц, которые в нее входят, и эта особенность в области содержания и является отличием научной терминологии от общеупотребительной лексики. Последний тип лексики является всеохватывающим в семантическом отношении, в то время как научные термины, несмотря на свою разнородность в морфологической структуре, принадлежат одному семантическому полю, у них есть одна тематика, и они называют те понятия, которые актуальны для рассматриваемой науки.

1.4. Терминоэлементы как минимальная составная часть термина

Продолжая рассматривать особенности научной терминологии, следует выделить разницу между терминологическими единицами и единицами терминосистем. Как отмечает Л.П. Шишканова, в разряд единиц терминосистем входят как термины (то есть терминологические единицы), так и терминоэлементы. Сами терминоэлементы применяются внутри единой терминосистемы для того, чтобы формировать терминологические единицы в разных микросистемах терминов [Шишканова, 2012, С. 17]. Данное понятие впервые появилось в 1937 году благодаря Д.С. Лотте, который дал ему следующее

определение: терминологический элемент – это минимальная составная часть термина с ярко обозначенным терминологическим значением [Лотте, 1968, с.15]¹². Однозначной трактовки терминологического элемента не существует в лингвистической литературе. Например, исследователь В.М. Лейчик дает иное определение терминологическому элементу (1981): по его мнению, терминологический элемент есть наименьшая единица плана выражения термина, и следует выделять несколько типов терминологических элементов: те, которые часто повторяются во многих лексических единицах (например, -milli, -micro); и те, которые постоянно повторяются в каждую новую эпоху (например, -ход, -провод)¹³. В свою очередь, А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, и Н.В. Васильева в своей совместной работе утверждают, что понятие терминологического элемента распространяется только на латинско-греческие компоненты терминов, которые были искусственно созданы [Суперанская и др., 1989, с.102]. По мнению указанных исследователей, те термины, которые были образованы из латинско-греческих терминологических элементов, невозможно разделить на корень, префикс и суффикс, а только на смысловые и служебные терминологические элементы [Суперанская и др., там же, с.103]. Кроме того, исследователям представляется возможным разделить терминологических элементов на универсальные, междисциплинарные и неуниверсальные (то есть те, которые принадлежат только отдельным наукам) [Суперанская и др., 1989, с.207]. Соответственно, любая наука выбирает из классических языков те варианты, которые ей необходимы согласно ее установкам.

В каждом терминологическом поле терминологические элементы получают специализацию: это означает, что одни элементы применяются в сфере права, другие – в сфере медицины. Например, терминологический элемент крио-, который обрел специализацию для обозначения низких температур в технических дисциплинах; или терминологический элемент пиро-, который используется в технике для обозначения

---

¹² Лотте Д.С. Как работать над терминологией. Основы и методы. – М.: Наука, 1968; цит. по: Багана, 2012, С.17

¹³ Лейчик В.М. Оптимальная длина и оптимальная структура термина // Вопросы языкознания. 1986. № 5; цит. по: Шишканова, 2008, С.17

высоких температур. По мнению А.В. Суперанской, понятие терминоэлемента не может распространяться на словосочетание, и выделить его возможно лишь в составе слова [Суперанская и др., 1989, с.209]. Исследователь В.П. Даниленко утверждает, что терминоэлемент следует определять как минимальную структурную единицу в терминологии, включающую в себя «производящую основу, словообразовательную морфему (аффиксы, слово в составе сложных слов и словосочетаний, символы в составе особого типа символов-слов)» [Даниленко, 1977, с.37]. Рассмотрев данный подход ученого, мы можем сделать вывод, что разница между единицами терминосистемы главным образом заключается в функциях, которые данная единица может выполнять.

Будучи составной частью, терминоэлементы обладают способностью менять значение термина, и на это влияет место, которое они занимают в структуре слова. Кроме того, терминоэлементы способствуют созданию новых составных терминов, а также способствуют терминологизации слов и транстерминологизации терминов других наук.

Глава 2

Языковая форма выражения терминов

На данный момент среди лингвистов не существует однозначного мнения о языковой форме выражения терминов. Как утверждает О.С. Ахманова, ввиду развитости системы существительного в европейских языках, имена существительные занимают большинство позиций в терминологическом списке этих языков [Ахманова, 1957, с.11]. Такие ученые, как А.И. Моисеев, Г.О. Винокур и С.М. Бурдин, сходятся во мнении, что имена существительные и образованные на их основе словосочетания являются главной, если не единственной, языковой формой, в которой выражаются термины. А.И. Моисеев утверждает, что преимущество функционирования в роли научных терминов остается за именами существительными, в то время как другие части речи необходимы исключительно в процессе научного изложения, если только они не входят в состав термина в качестве его структурных компонентов [Моисеев, 1970, с.134]¹⁴. По мнению В.П. Даниленко, роль терминов могут играть и такие части речи, как глаголы, прилагательные и наречия, однако их свободное применение возможно в том случае, если с их помощью выражаются специальные понятия, и они отвечают всем остальным существующим требованиям к термину. Кроме того, исследователь подчеркивает, что в случае с именами прилагательными, их терминологизация непосредственно влияет на изменение их свойств, как лексико-грамматических, так и лексико-семантических. Таким образом, в процессе терминологизации прилагательные теряют свои признаки качественных прилагательных. В таком случае у терминов-прилагательных отсутствуют степени сравнения, но с другой стороны, они обрastaют новыми антонимическими противопоставлениями: например, живая природа - неживая природа, твёрдое тело - жидкое тело [Даниленко, 1977, С.49, 50]. Рассмотренные утверждения исследователей подтверждают наши подсчеты примеров, собранных

---

¹⁴ Моисеев А.И. О языковой природе термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970; цит. по: Шишканова, 2008, С.8

на материале пяти научных трудов альфонсийской канцелярии. Из 369 найденных нами терминов, которые были введены в кастильский язык в эпоху правления Альфонса X Мудрого, существительные составляют 90,5% от общего числа, за ними следуют глаголы (5,4%), и только 3,5% принадлежат прилагательным.

2.1. Терминология в свете требований, предъявляемых к идеальному термину

Существует ряд требований, предъявляемых специалистами к термину. Термин призван обеспечивать взаимопонимание представителей той или иной отрасли знания, как и слово обеспечивает понимание между людьми. Поскольку термин является элементом терминологической системы, ему должна быть свойственна системность. Однако исследователи по-разному трактуют это требование. В.П. Даниленко определяет системность как классифицирующую сущность, в то время как Д.С. Лотте рассматривает как одно из требований к термину его системность словообразовательного характера. По мнению других лингвистов, термину должна быть свойственна системность сразу двух видов: как элемента терминологической системы, так и элемента языковой системы [Толикина, 1970, с.53]¹⁵. Таким образом, исследователи выделяют ряд характеристик термина, и основными из них являются соотнесенность термина с понятием и его системность.

Другим требованием к «идеальному термину», по мнению многих лингвистов, является его однозначность, способствующая его независимости от контекста. То есть один термин соответствует каждому понятию. Мнение об однозначности как обязательной характеристики «идеального термина» порождает множество дискуссий среди лингвистов. Одни терминологи признают ее как необходимую для успешного выполнения коммуникации. Другие исследователи лишь выделяют тенденцию термина к однозначности или вовсе ее отрицают. Например, В.П. Даниленко отмечает то, что в разных отраслях знаний

---

¹⁵ Толикина Е.Н. Некоторые лингвистические проблемы изучения термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М.: Наука, 1970; цит. по: Хижняк, 1998, С.10

присутствует терминологическая полисемия (например, термин «грунт» в живописи и инженерной геологии, строительном деле), однако существуют также и общеязыковые виды многозначности, свойственные терминологии, ведь разные науки могут выбрать в качестве предмета изучения одни и те же объекты. Например, термин «речь» в лингвистике и медицине. По мнению В.П. Даниленко, терминологическая полисемия является результатом переноса значения на основе таких приемов, как метонимия и синекдоха. Кроме того, исследователь утверждает, что многозначность в терминологии реализуется посредством отглагольных имен существительных, которые обозначают процесс или действие [Даниленко, 1976, с.66]. Такое требование к термину, как однозначность, сопряжено с требованием независимости термина от контекста. Однако именно в контексте термины, обладающие многозначностью и образованные от общебытовых слов, обретают точное значение и теряют те значения, которые им не нужны в данный момент. Например, термин «процесс» имеет разные значения и применяется в информатике, юриспруденции, теории систем и теории организации. И только контекст помогает нам выявить, какое из четырех значений подразумевается. Как считает В.П. Даниленко, не следует абсолютизировать утверждение о независимости термина от контекста, поскольку именно через реальное функционирование термина можно раскрыть его содержание [Даниленко, 1976, с.68]. Большинство лингвистов, изучающих проблемы терминологии, сходятся в мнении о том, что именно контекст зачастую раскрывает значение термина. Тот факт, что в разных отраслях науки существуют одинаковые термины, объясняется исследователями омонимией, возникающей в результате так называемого процесса транsterминологизации, когда термин переходит из одной терминосистемы в другую. Однозначность, будучи желаемой характеристикой термина, далеко не всегда выполняется как требование. Как известно, существует множество терминов, которые обладают несколькими значениями. По подсчетам Н.Н. Лавровой, исследовавшей полисемию лингвистических терминов, среди 4000 терминов, которыми открываются словарные статьи в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой,

явление полисемии встречается в 394 случаях, что составляет около 10% [Лаврова, 1981, с.39]¹⁶. Л.П. Шишканова утверждает, что с помощью терминов и терминологических сочетаний в любой научной отрасли могут обозначаться одновременно абстрактное понятие и действие, а также предмет и действие [Шишканова, 2008, С.11]. Кроме того, ввиду непрерывного развития науки и техники, их области постоянно обрастают новыми понятиями, так что невозможно дать гарантий того, что термин, имеющий одно значение, останется таковым и в будущем. Исследователи расценивают многозначность термина как нежелательное явление, так как оно негативно влияет на его коммуникативную функцию. Многозначность термина преодолевается благодаря разъяснению полисемии термина, вытеснению в одном из его значений лексическим дублетом. Это обуславливает необходимость изучения другой характеристики термина: отсутствие синонимии. Изучая проблему синонимии в терминологии, исследователь В.П. Даниленко говорит о специфичности данного явления и особых функциях синонимии в терминологии, так как «синонимы в терминологии соотносятся с одним и тем же объектом и понятием, они не характеризуют разные его свойства» [Даниленко, 1976, с.73]. По ее мнению, есть определенный источник формирования синонимов в терминологии: они зачастую возникают благодаря использованию заимствований из разных языков, которые одновременно обозначают одно понятие: например, митинг – демонстрация, хавбек – вингер; или в тех случаях, когда заимствованное слово используется вместе с исконным: бизнесмен – предприниматель. В терминологии появляются синонимы благодаря калькированию, то есть переводу заимствования с помощью средств национального языка.

Помимо синонимов, в терминологической системе существуют варианты номинативных единиц. Подобное происходит при образовании полного и краткого термина: арматурная анкеровка – анкеровка. Следует подчеркнуть, что

---

¹⁶ Лаврова Н.Н. Заметки о полисемии лингвистических терминов // Термин и слово. – Горький: Изд-во Горьк. ун-та, 1981; цит. по: Хижняк, 1998, С.12

исследователи определяют синонимию как отрицательный фактор, от которого нужно избавляться, в отличие от использования полного и краткого термина. К полному термину и его краткому варианту можно отнести полную форму и аббревиатуру (строительство уникальных зданий и сооружений – СУЗИС); словесное и символическое обозначение действий и веществ в физике и химии (C_2H_5OH – спирт, v – скорость). По мнению авторов «Общей терминологии», синонимические отношения являются свойственными только для терминологии, если родовой термин применяется для обозначения видового [Суперанская, 1989, С.67]. Лингвисты отмечают так же тот факт, что для терминологии характерно проявление синонимичности во время становления той или иной науки, когда разные авторы по-разному именуют одно и то же часто возникающее понятие. Наличие синонимов в терминологии объясняется авторами выше указанной работы недостаточной степенью изученности того или иного явления. По их мнению, синонимы являются результатом нескольких процессов: появления обозначения, считающегося более рациональным; формирования нового названия; создания терминов различных направлений и школ; процесса заимствования. Исследователи определяют синонимы как знаки, которые вследствие сходства связанных с ними понятий и общности именуемых вещей максимально приближены друг к другу [Суперанская и др., 1989, с.49]. С другой стороны, исследователь С.П. Хижняк утверждает, что в терминологии не наблюдается синонимии, и что в пределах научного контекста это следует называть дублетностью: например, стоматолог – дантист; вокатив – звательный падеж. По мнению лингвиста, отношения, характеризующие синонимический ряд, не существуют между дублетами, как и нет эмоционально-экспрессивных, оценочных или стилистических оппозиций [Хижняк, 1997, с.61]. С.П. Хижняк определяет дублетность как вредное явление и объясняет это тем, что дублеты никак не влияют на содержание речи и ее стилистическую окраску. По мнению исследователя, дублеты приводят содержание терминологической системы к неупорядоченности и слабой оформленности. А.А. Реформатский, в свою очередь, утверждает, что не следует ставить знак равенства между синонимами и

дублетами. «Синонимы - это безусловно разные слова (плектр-медиатор), дублеты - это аффиксальные варианты слов (березник - березняк)» [Суперанская и др., 1989, с.52]. Авторы «Общей терминологии» предпочитают именовать слова, относящиеся к одной и той же вещи, «номинативными дублетами» [Суперанская и др., там же]. В свою очередь, эту точку зрения не разделяют некоторые представители специального знания, например, за использование синонимии выступают юристы. Так, согласно утверждению Н.В. Власенко, синонимия благотворно влияет на юридическое регулирование и необходимо для него. Исследователь утверждает, что в нормативных правовых актах синонимия выполняет такую функцию, как «уточнение и детализация мысли нормодателя» [Власенко, 1997, с.62]¹⁷. Рассматривая антонимические отношения слов в языке терминологии, исследователи утверждают следующее: «В терминологии антонимия помогает обозначать крайние точки терминологического поля» [Суперанская, Подольская, Васильева, 1989, с.54]. Антонимия зачастую передается посредством однокоренных слов с прибавлением отрицательных частиц, например, *des* - в испанском языке. Если в значении слова присутствует качественный признак, это служит значительной предпосылкой для возникновения антонимии. Авторы «Общей терминологии» видят в этом причину существования большого количества антонимов у качественных прилагательных и наречий [Суперанская и др., 1989, с.53].

К термину также предъявляется требование краткости, однако оно до сих пор является пожеланием к «идеальному термину», поскольку в настоящее время в современной лингвистической литературе отмечается растущая тенденция к усложнению терминов с целью конкретизации понятий, которые они выражают. Формирование многословных терминов обусловлено тем, что наука развивается, дифференцируются ее понятия, происходит взаимопроникновение понятий одной науки в другую, в то время как ученые стремятся дать понятиям наиболее точные

---

¹⁷ Власенко Н.А. Язык права. – Иркутск: Вост.-Сиб. Кн. Изд-во, АО «норма-плюс», 1997; цит. по: Шишканова, 2008, С.14

и полные определения. Число компонентов в термине растет, и все признаки понятия уже не охватываются терминами-универбами. Новые понятия опираются на те, которые уже существуют в той или иной области знания. Соответственно, когда необходимо обозначить новое понятие, формируется новый термин, который, как правило, связан с термином, который выражает исходное понятие. Таким образом, исходный термин вращается в новый в качестве его составной части как формально, так и на содержательном уровне. С.А. Низовцева, исследовавшая характеристики философского термина, утверждает, что составные термины философии в основном получены благодаря распространению терминов с более простой структурой, и меньше всего для формирования составных терминов характерно соединение нескольких терминов в один [Низовцева, 1981, с.44]¹⁸.

Рассмотрев основные требования, предъявляемые к термину, мы можем сделать промежуточный вывод о том, что все вышеописанные характеристики лишь желательны и могут относиться к так называемому «идеальному термину».

2.2. Особенности терминологической номинации (терминообразования)

Существует ряд особенностей, характеризующих терминообразование в языке науки. Его главной специфической чертой стало то, что отраслевые терминологии используют готовые специальные номинации с целью расширения собственного словарного состава. В настоящее время лингвистами активно исследуются номинативные процессы, которые протекают в сферах функционирования языка, характеризующихся социальной и профессиональной ограниченностью.

Приступая к рассмотрению вопросов теории терминологической номинации, следует привести определение самого понятия номинации (от лат. *nominatio* - наименование). Исследователь Ж. Багана в своей монографии

---

¹⁸ Низовцева С.А. Некоторые характеристики философского термина // Термин и слово. – Горький: Изд-во Горьк. ун-та, 1981; цит. по: Шишканова, 2008, С.14

определяет номинацию как формирование языковых единиц, которые характеризуются номинативной функцией, то есть применяются для именования и вычленения фрагментов из неязыковой действительности, а также образуют соответствующие понятия о них, облеченные в форму значения языковых единиц – таких, как слова, словосочетания, фразеологизмы и предложения [Багана, 2012, С.53]. Само понятие номинации применяется не только для обозначения самого процесса выделения предметов посредством слов и их сочетаний, но и для обозначения конкретных языковых единиц как результатов данного процесса. Благодаря многочисленным исследованиям в области языковой номинации, были созданы все нужные предпосылки для становления теории терминологической номинации. Данная теория представляет собой ту сферу номинативной деятельности, в которой могут раскрыться в полной мере творческие возможности человека, ориентированные на создание специальных именований, которые тесно связаны с профессионально-научной коммуникацией, являющейся основой для развития научного познания. Однако остается множество нерешенных вопросов, связанных с проблемой теоретической терминологии. В основном исследователи затрагивают их в терминологических работах общего характера, где систематизируются основные положения, которые связаны с изучением терминов.

Как подчеркивает Ж. Багана, в номинации специальных понятий терминологией, ввиду ее общей специфики, не может проявляться какая-либо самостоятельность [Багана, 2012, С.53]. Исследователь В.П. Даниленко утверждает, что все новое, что появляется в номинации (как «технические возможности» рассматриваемого языка, так и заимствованные), прежде всего проявляется в профессиональном языке, поскольку его специальная лексика постоянно нуждается в пополнении, соответственно, в активном поиске путей и средств номинации [Даниленко, 1976: 66]. Поскольку многоотраслевое профессиональное знание интенсивно развивается, это приводит к тому, что терминосистемы отталкиваются друг от друга и в целом от литературного языка. Как известно, у каждого языка есть свои собственные особенности

терминообразования, и выбор определенного способа номинации в терминологии отнюдь не является случайным явлением. Именно по этой причине одной из главных задач современной лингвистики является изучение закономерностей, по которым формируется терминологическая лексика. Одним из языковых аспектов термина является терминологическая номинация (терминообразование), которая характеризуется лингвистами как один из элементов человеческой познавательной способности, а также как трансформация объективного мира в феномены мышления. Следует отметить, что термин в качестве носителя информации не передает информацию сам по себе, а лишь благодаря дефиниции, внутренней форме, общеязыковым и терминологическим терминоэлементам.

Рассматривая принципы, особенности и способы терминообразования, современные терминологи отмечают социально-коммуникативный характер термина. Это обусловлено тем, что процессы терминологической номинации подчиняются законам из сферы научно-мыслительной деятельности. С одной стороны, термины образуются в качестве средства номинации понятий, предметов, явлений, с другой – в качестве способа фиксации полученных знаний. В терминологической номинации для этого были сформированы такие средства, как терминоэлементы, терминомодели и такие способы терминообразования, как морфологический, лексико-семантический, семантический и заимствование. Данные способы характерны и для общелитературного языка. Однако «язык науки отрабатывает свою словообразовательную подсистему, подчинив ее основным требованиям и функциям терминологической лексики» [Даниленко, 1976, с.65].

Если сравнить особенности словообразования общелитературного языка и специфику терминообразования, то можно заметить, что терминологическая номинация является процессом сознательным, что позволяет внедрять словообразовательные морфемы, специализированные по значению, в отраслевые терминологии; данные морфемы, в свою очередь, способствуют связи той или иной классификационной системы понятий с определенной системой лексических средств выражения этих понятий. В.П. Даниленко приводит в качестве примера

использование суффиксов в зоологии, где суффиксами различают тип (-al, -es), класс (-ine, -al), семейство (-ace, -ac), род (-oide, -oe), вид (-e, -ae). В.П. Даниленко видит наиболее эффективный способ терминообразования в синтаксическом способе, по которому образуются полилексемные единицы. «Термины - словосочетания по количеству занимают одно из первых мест почти в любой отраслевой терминологии» [Даниленко, 1976, С.64].

Для процессов терминообразования играют большую роль такие аспекты, как мотивированность термина, системность и его внутренняя форма. Специфика терминообразования проявляется особенно ярко при изучении различных способов формирования новых терминов. По мнению Л.П. Шишкановой, переход общебытовых слов в разряд терминов – это один из наиболее используемых способов формирования любой терминологии [Шишканова, 2008, С.54]. Если новое явление выявляет общие точки соприкосновения с тем, что известно из прошлого опыта, то выявление и фиксация этих общих точек происходит с помощью языка. Так, на основе слов, имеющих в определенном языке, создаются новые понятия, ведь благодаря уже известным образам, закрепившимся в лексических значениях (то есть словах), гораздо удобнее фиксировать обогащение научного познания. И чем больше закреплено в уже существующем лексическом значении информации, которая совпадает со свойствами познаваемого объекта, тем, соответственно, больше вероятность того, что данное слово будет избрано для обозначения именуемого объекта. Однако создание новых терминов на основе тех или иных языковых традиций может реализоваться не только благодаря семантическому словообразованию.

Другим эффективным способом терминообразования, основанного на определенном языковом опыте, считается формирование терминов на базе корневых морфем, существующих в языке, по типичным для рассматриваемого языка словообразовательным моделям. Лингвист Ж. Багана определяет как одну из главных тенденций терминологической номинации специализацию языковых средств, которые используются для выражения научных понятий, а также классификационную регулярность словообразовательных моделей и

системность. Исследователи связывают специфику терминообразования с языковыми средствами, со способами терминологической номинации (морфологическим, семантическим и синтаксическим) и с особенностями структуры термина, как формальной, так и семантической [Багана, 2012, С.54].

К языковым средствам, определяющим особенности терминообразования, лингвисты относят единицы национального языка, искусственные образования и заимствования из других языков. Рассматривая способы терминологической номинации, исследователи относят к ним любую языковую технику, посредством которой язык способен создать наименования. Например, к таковым относятся: словообразование, заимствование, калькирование, изменение значения, аббревиация, эллиптизация и другие [Журавлев, 1982: 105-109].¹⁹ Данные способы номинации являются одними из самых важных элементов в системе номинативных средств каждого языка.

Все вышеописанные способы номинации обладают своей собственной спецификой, которая проявляется в процессе именования в конкретно-языковой системе номинативных средств: например, когда одни способы номинации преобладают над другими, когда они тяготеют к определенной понятийной зоне, когда обладают различными степенями продуктивности и т.д. [там же: 45-46]. Для описания особенностей лексической системы имеет значение не только рассмотрение способов, благодаря которым происходит терминообразование, но и выявление главных источников расширения словарного состава, а также рассмотрение отношений между компонентами этой системы. Активное использование лексико-семантических резервов, имеющихся в языке, а также поиск новых способов терминообразования положительно влияют на формирование и обогащение отраслевых терминологий. Ж. Багана видит в интенсификации терминообразующего аппарата языка для специальных целей определяющий фактор поиска приоритетных и эффективных способов номинации, который также положительно влияет на формирование новых

---

¹⁹ Журавлев В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М.: Наука, 1982; цит. по: Хижняк, 1998, С.31

моделей, по которым в будущем будет возможно создавать на основе традиционного материала новые наименования [Багана, 2012, С.55].

2.3. Особенности терминологических ключей

Представляется необходимым упомянуть понятие терминологического ключа. Данная проблема редко освещалась исследователями в лингвистической литературе, однако на нее обратили особое внимание авторы работы «Общая терминология: Вопросы теории». Согласно утверждению лингвистов, любая терминосистема обладает своим терминологическим ключом, и его следует определять как ряд терминоэлементов и терминооснов «с объяснением их терминологических значений и правил их объединения в слова, а также это перечень аффиксов своего языка с указанием их специальных значений, действенных лишь для данной области знания и данной системы терминов» [Суперанская и другие, 1989, с.187]. Считается, что понятие терминологического ключа необходимо для объяснения ономастической специфики любой терминологии. Это совокупность экстралингвистических и интралингвистических факторов, обуславливающих формальные и семантические характеристики терминов, а также терминообразовательный фонд языка.

Экстралингвистические факторы есть не столько часть внешней по отношению к языку среды, сколько необходимый элемент его структуры, становления, модификации и существования. Отличие системности номинативных единиц в терминологии отличается от языка тем, что она обладает более узкой и специализированной внеязыковой основой. Тот факт, что экстралингвистические системообразующие факторы обладают подобной лимитированностью и специализацией, оказывает в конечном итоге влияние на особенности терминологических ключей, имеющих непосредственное отношение к специальной лексике различных отраслей человеческого знания, а также практической деятельности.

Несмотря на то, что языковой знак по своей природе не во всех случаях способствует непосредственному отражению в языке объективной реальности,

«системность языка, будучи в известном смысле автономной по отношению к внеязыковой действительности, вместе с тем, в конечном счёте, обусловлена именно теми связями и отношениями, которые существуют в самой действительности и отразились в процессе ее познания в человеческом сознании при помощи языка» [Шмелев, 1982, С.3-4].²⁰

Проблематика терминологических работ распространяется далеко за пределы только лексикологических проблем. Представляется невозможным изучение терминологической лексики без рассмотрения экстралингвистического фона ее развития, ведь именно благодаря исследованию внешних неязыковых факторов возможно выявить специфику терминосистем, спрогнозировать их будущее состояние и сознательно регулировать языковые процессы в лексике терминологии. Таким образом, внешние факторы проходят через все элементы языковой основы терминологического ключа: например, калькированные и заимствованные единицы, слова общего употребления, испытывавшие процесс терминологизации, а также терминообразовательные основы и форманты производных терминов.

Поскольку экстралингвистические компоненты терминологического ключа обладают различным характером и силой воздействия, роль его языковых элементов в формировании терминологии является неодинаковой: например, мы можем пронаблюдать это в соотношении исконных и заимствованных терминов, в характере значений вовлекаемых в терминосистему средств терминологической номинации (префиксов и суффиксов), в терминологизации их деривационных значений и их продуктивности в терминосистеме, а также в активизации определенных способов терминопроизводства.

2.4. Экстралингвистические факторы формирования терминологии

В процессе развития любого языка и его подсистем существуют определенные факторы, которые предопределяют изменения в языке, способствующие его развитию. Лингвистами выделяются такие факторы

---

²⁰ Шмелев Д.Н. Введение // Способы номинации. М.: Наука, 1986; цит. по: Хижняк, 1997, С.37

языкового развития, как экстралингвистические и лингвистические. Тем не менее, оба фактора действуют сообща и настолько тесно связаны между собой, что зачастую сложно установить, какой фактор повлиял на определенное изменение в языке. Представляется необходимым для нашего лингвистического исследования выделить определенные факторы, которые повлияли на характер изменений в испанском языке, а также на специфику сформировавшейся терминологической системы.

XIII век для Испании стал эпохой, в которой были совершены первые шаги на пути к становлению кастильского языка, в частности, его терминологических систем. Решающую роль в этом процессе сыграла инициатива со стороны кастильского двора. Однако если мы сравним языковую политику кастильско-леонских королей того века, Фернандо III (1217-1252), Альфонса X (1252-1284) и Санчо IV, то становится понятно, что именно Альфонс X Мудрый узаконил использование кастильского языка как национального и способствовал созданию ряда текстов, подобных которым еще не было в той эпохе. На становление кастильского языка повлияло множество экстралингвистических факторов, и результатом этого процесса стало создание многочисленных письменных трудов, затронувших все сферы жизни Испании как государства. Все государственные языки Европы испытали подобный процесс, развивающийся, как правило, по трем направлениям: во-первых, было необходимо выбрать язык для его превращения в главный язык на территории государства, во-вторых, приспособить его для использования во всех социально-общественных сферах, и в-третьих, закрепление норм его использования. Роль Альфонса X Мудрого в процессе «узаконивания» письменного кастильского языка отмечается по той причине, что все вышеописанные направления входили в его языковую политику, что способствовало началу долгой трансформации кастильского в официальный язык государства – процесса, который длился несколько веков.

2.5. Основные направления политики Альфонса X Мудрого

XIII век положил начало целому ряду процессов, важнейших для

становления испанской литературы и культуры этой эпохи, получившей общее название «Ренессанса XIII века». Этот век имел особое значение для истории Пиренейского полуострова: огромное количество письменных трудов, появившихся в эту эпоху, свидетельствует о быстром усложнении структуры общественной жизни.

История королевства Кастилия (и Леон с 1230) этого периода развивается в основном во времена правления двух исключительных монархов: Фернандо III, короля-завоевателя, и Альфонса X, его сына, который энергично принялся за заселение завоеванных отцом территорий, а также сам создал для королевства новые законы. Одна из заслуг Фернандо III заключается в том, что он уделил немало внимания тому, чтобы его сын (старший из 13 детей) и наследник получил достойное образование в самых различных сферах. Учителями Альфонса были придворные нотариусы и образованные клирики. В итоге, будущий король выучил латинский и арабский язык (позже он выучил галисийско-португальский) и знал основы не только *ius commune*, но и астрономии, математики, минералогии и других наук. Написав свое первое произведение (трактат «Лапидарий» о драгоценных камнях и их символике), инфант занялся проектом единого свода права для всего своего королевства на старокастильском языке. В этом ему помогал его наставник – известный итальянский юрист Хакобо де лас Лейес (его настоящее имя – Хакобо де Джунта), который состоял при дворе Фернандо III. В первый же год правления король отдал приказ составить запланированный свод на основе предшествующих законов, и через три года появляется «Королевское фуэро Кастилии» («Fuero Real de Castilla»), распространившийся за несколько лет по всем городам королевства. В прологе Альфонс X отмечает, что поводом для создания этого фуэро стало отсутствие единого закона для всего королевства. Свод по своему содержанию подобен предшествующим кодексам, однако отличается от них большей систематичностью и завершенностью. Его основу составляют тексты местного леоно-кастильского права, выработанного в первые века Реконкисты – грамоты, привилегии, поселенные хартии, – а также «Фуэро Хузго» с некоторыми дополнениями. Памятник состоит из четырех книг и

регламентирует нормы политического, гражданского, уголовного и торгового права, а также судопроизводства. Несмотря на то, что этот памятник не привнес в правовую систему ничего нового, он стал первым шагом Альфонса X в направлении унификации законодательства: «Королевское фуэро» не был отторгнут населением, в большинстве городов свод заменил местные фуэро и поселенные хартии, и его стал использовать в своей деятельности королевский апелляционный суд. Как в «Королевском фуэро», так и в созданных впоследствии произведениях («Зерцало», «Семерик») выражается восхищение Альфонса X своим отцом.

Как и отец, Альфонс X был королем-завоевателем. Дон Альфонс не только удержал в своих руках территории, которые ему передал отец, но и смог существенно расширить свои владения. К покоренным им землям относятся королевство Мурсии (завоеванное в 1266 году с помощью его тестя, Хайме I), комарка Гуадалете (центр – город Херес) в 1264 году и королевство Ньеблы в 1262 году. Не меньшее значение имело проведенное Альфонсом X заселение завоеванных земель. Этот процесс способствовал подавлению влияния мусульманской культуры на этих территориях и выполнению одной из главных задач политики Альфонса Мудрого – распространению кастильских обычаев, законодательства и языка. Второе прозвище короля Альфонса X – «Астролог», – кажется не таким звучным, как первое, однако не в меньшей степени является заслуженным. Астрология была одним из его главных увлечений. Интерес к множеству наук и стремление к распространению культуры сделали его одним из самых образованных людей своего времени. Недаром Ф. Мартинес Марина в первых строках своего произведения посвящает Мудрому королю следующие слова, поражающие нас своей красотой: *«La sabiduría ocupando el solio: la resplandeciente y clara antorcha de la verdad iluminando el real palacio de uno de los mayores monarcas: la justicia sentada siempre al lado del trono, y presidiendo á su consejo: las cámaras y salones imperiales convertidos en academias, donde el jurisconsulto, el filósofo, el astrónomo, el poeta son igualmente acatados que los*

magnates y poderosos...» [Martínez Marina Fr., 1807, P.1]²¹. Королевский двор объединял христианскую, арабскую и еврейскую культуру; короля окружали переводчики, легисты, музыканты, художники и поэты. Еще ни один европейский король (разумеется, за исключением дяди Альфонса X, Фридриха II из династии Штауфенов) не прикладывал стольких усилий для развития культуры и науки, рассматривая эту задачу как одну из ключевых в своей политической деятельности. Его замысел воплотился благодаря созданию множества произведений на старокастильском языке, который стал официальным на территории Испании. В период правления Мудрого Короля созданы на национальном языке труды по истории, юриспруденции, астрономии, произведения дидактического характера и множество поэтических гимнов на галисийско-португальском языке.

Правление Мудрого Короля осложнялось целым комплексом внутренних политических и социальных проблем. Одна из них – борьба короля с представителями знати, всегда готовыми вступить союз с властителями других королевств и восстать против своего короля. Причина этого конфликта заключалась не столько в ошибочных действиях короля, сколько в различии стремлений двух сторон: представители знати требовали абсолютной независимости, в то время как монарх не хотел идти на поводу у своевольной знати. Альфонс X был сторонником принципа единодержавия, стремился распространить римское право и заложить основы абсолютной монархии, сосредоточив государственную власть в своих руках. Эти тенденции выражены королем в его политической программе, а также в правовых памятниках. Однако в практической деятельности ему противостояли сепаратистские тенденции знати, вызванные их корыстными интересами. По мнению кастильской знати, король

---

²¹ Martínez Marina, Fr. Ensayo histórico-crítico sobre la legislación y principales cuerpos legales de los reinos de León y Castilla especialmente sobre el código de las Siete Partidas de D. Alonso el Sabio. – Madrid: [s.n.], 1834. цит. по: Sánchez-Prieto Borja P. La normalización del castellano escrito en el siglo XIII. Los caracteres de la lengua: grafías y fonemas // R. Cano (coord.), Historia de la lengua española, Barcelona: Editorial Ariel, 2004. – págs.423-448

проявлял абсолютизм и злоупотреблял своей властью, так как нарушал их законы; например, он значительно ограничил их власть, провозгласив, что знать сохраняет свои сеньориальные права и судебную власть, пожалованную королем, только на своих землях. Он прекратил ежегодно жаловать им земли, отнимая у дворян то, что раньше принадлежало им по праву, и препятствуя созданию новых земельных сеньорий. Ситуация осложнялась ухудшением экономического положения страны: королевская казна была истощена из-за войн и расточительности монарха, а финансовые мероприятия короля привели к обесцениванию денег. Все это вызывало недовольство населения, которым пользовались политические противники Альфонса X. Трудность положения короля заключалась в том, что он нуждался в помощи знати, ведь она владела земельными богатствами и людскими ресурсами, необходимыми на войне. Единственным способом вести борьбу со знатью было покровительство противникам дворян – плебеям городов. Недаром Хайме I в своем политическом завещании посоветовал своему зятю, Альфонсу X, во время правления опираться на церковь и города, «так как Бог любит их больше, чем дворян, поскольку дворяне имеют обыкновение восставать против своего сеньора с большей легкостью, чем другие. А с этими двумя [партиями] он подчинит себе остальных» [цит. по: Альтамира-и-Кревеа, 1951, С.286]. Представители городов участвовали на кортесах, а поскольку король опирался на них в борьбе со знатью, то в период правления Альфонса X была осуществлена институционализация кортесов, значительно выросло политическое влияние этого учреждения. Кортесы помогали королю осуществлять руководство над королевством и контролировать государственные финансы. Это учреждение, появившееся в конце XII века (впервые в Леоне, в 1188 году), до правления Альфонса Мудрого не обладало достаточной властью, и его решения не достигали нужного эффекта. Известно, что Фернандо III созывал кортесы не более 1-2 раз за долгие годы своего правления. Во время правления Альфонса X Мудрого «кортесы Кастилии и Леона достигли своей истинной зрелости, приобретая черты, которые характеризовали их до конца Средневековья» [O`Callaghan, цит. по: González Jiménez, 2002, P.83].

Подобно кастильским легистам, получившим образование в школе Болоньи и воспринимавшим право как учение о добром и справедливом, Альфонс X видел в законодательной деятельности средство достижения блага королевства. При этом королевская власть не могла быть отделена от функций законодательства. Король рассматривал право как инструмент перестройки системы политических и социальных отношений, средство для перехода к единой и абсолютной монархии. Произведения, созданные Мудрым Королем, изменили юридическое значение местных фуэрос и сборников обычаев, сделав приоритетными основы римско-канонического права, как в правовых системах Италии, Франции, так и других европейских стран. На активность, которую проявил король при создании юридических сводов, оказали влияние определенные исторические события. Как известно, кастильские короли хотели сделать Испанию центром всеевропейской империи и мировым центром науки, культуры и знания. Эти тенденции отражаются в желании Альфонса X возродить Испанскую Империю времен Альфонса VII. Король видел средство достижения своей цели в получении короны Священной Римской Империи. В марте 1256 года в Сории, когда Альфонс X правил всего 4 года, послы Пизанской республики предложили ему баллотироваться на вакантный императорский престол, на который он мог претендовать по праву: будучи сыном Беатрисы Швабской, Альфонс X являлся потомком династии южно-германских королей и императоров Священной Римской Империи, династии Гогенштауфенов (Штауфенов), находившейся в тот момент на грани исчезновения. Кроме того, король был потомком Комнинов, древнего аристократического рода и византийской императорской династии. Год спустя часть избирателей провозгласила его королем Германии, и он стал претендентом на трон Империи, однако за несколько недель до этого события косвенным путем был избран другой король Германии – Ричард, граф Корнуэлла. После этого начался долгий юридический конфликт, который осложнился войной в Италии между сторонниками папства и приверженцами императора – гвельфами и гибеллинами (название этого политического течения происходит от латинизированного названия одного из замков династии Штауфенов, к которой

принадлежал Альфонс – Гаубелинг (Weiblingen)). Дон Альфонс, несмотря на свое стремление не вступать в препирательства с папством, от которого зависело признание его императором, все-таки вмешался в конфликт, надеясь добиться силой оружия решения в свою пользу и не жалея средств для достижения своей цели. В 1273 году императорский престол занял Рудольф I из рода Габсбургов, и его кандидатуру поддержал папа Григорий X, но спор за *fecho del imperio* закончился только спустя два года, когда Григорий X, переговоры с которым оказались напрасны, отказался признавать за Альфонсом X право на титул императора и пригрозил ему отлучением от церкви. Притязания на трон стали одним из самых амбициозных замыслов короля и одним из самых тяжелых поражений в его политической карьере. Король потерял немало времени, финансов и авторитета.

Однако, несмотря на то, что Альфонс X понес тяжелое поражение на политической арене, произошедшее сыграло важнейшую роль в правовой истории Испании. В 1256 году, когда описанные события еще только начинали развиваться, юристы Альфонса X занимались составлением «Зеркала» (параллельно шла работа над упомянутым «Королевским Фуэро Кастилии»). Этот памятник отличался от своего предшественника тем, что в нем тексты местного права начинали заменяться источниками римского права. Однако все сохранившиеся манускрипты «Зеркала» содержат только 5 книг из 7 планировавшихся, что дало основание исследователям сделать вывод о том, что по инициативе короля работа не была закончена²², и свод не получил законной силы. Это означает, что Альфонс X неожиданно приказал прервать работу, чтобы приступить к выработке другого свода – «Книги Законов». Позднее этот правовой памятник получил название «Семи Партид». Подобная перемена решения долгое время была предметом дискуссий между историками испанского права, пока профессор Барселонского университета А. Иглесия-Феррейрос не выразил следующую точку зрения, являющуюся наиболее распространенной на данный

---

²² J. Sánchez-Arcilla Bernal, «Historia del Derecho. I: Instituciones políticas y administrativas», Madrid, 2004, P.246-249

момент: решение Альфонса X о создании «Семи Партид» следует связывать с его притязаниями на трон Священной Римской Империи.

2.6. Лингвистические закономерности терминопредварждения

Термины, будучи частью естественного языка, формируются согласно правилам этого языка. Они составляют основу языка для специальных целей, соответственно, они способны иметь специфическую форму и формироваться с помощью особых словообразовательных средств, которые считаются необходимыми для того, чтобы выразить специфические понятия в той или иной области знания. По мнению В.П. Даниленко, в сфере терминопредварждения формируются особые средства (форманты, модели, способы), которые считаются наиболее подходящими для выражения специальных понятий. Именно поэтому исследователь определяет как главную задачу терминоведения анализ грамматической формы слов и сочетаний, которые являются простыми и составными терминами соответственно, а также считает необходимым изучение специфики терминологических словосочетаний в сравнении со свободными или фразеологическими сочетаниями слов [Даниленко, 1976, С.64]. Среди типов терминологической номинации исследователи выделяют простые (корневые) и производные термины. Корневыми словами являются слова, которые не образуются от каких-либо других однокоренных и уже существующих в языке слов, то есть слова с непродувиной основой. Продувиными словами могут быть аффиксальными, конверсными или субстантивированными, сложными, сложнопредувиными, составными и сложносокращенными [Шижканова, 2008, С.36].

В различных отраслях знания термины могут образовываться на основе исконных и заимствованных, лексических и словообразовательных средств. Простые (корневые) слова являются ядром, которое зачастую выступает как вершина словообразовательных гнезд, которые в языке терминологии называются исследователями терминологическими гнездами. Тем не менее, исследователи утверждают, что вершиной гнезда в терминологической лексике могут стать

единицы разных структур: к ним относятся непроизводные, производные и композиты. Однако именно корневые слова составляют наиболее сложные гнезда, поскольку они являются единицами, обозначающими родовые понятия [Хижняк, 1997, С.99].

Следует подчеркнуть, что одним из главных симптомов системности терминологии является именно образование терминологических гнезд. Одна из особенностей терминологии заключается в частом использовании производных слов, и это явление указывает на вторичность терминологии в отношении к общелитературному языку. Тесная взаимосвязь между научной терминологией и общелитературной лексикой проявляется именно в сферах словопроизводства и терминопроизводства. Таким образом, взаимодействие терминосистемы с общелитературным языком происходит в лексическом и структурном направлениях. Лексический аспект становления научной терминологической системы реализуется в применении в терминологии лексических единиц, происходящих из общелитературного языка. Также это явление проявляется в таких процессах, как транsterминологизация и заимствования. Что касается структурного аспекта, то о нем свидетельствует применение закономерностей формирования новых слов и словосочетаний.

2.6.1. Морфологическое терминообразование

Имена существительные играют важную роль в терминологии, к ним также относятся и производные. Тем не менее, в качестве терминов могут служить и глаголы, и имена прилагательные. Как отмечает С.П. Хижняк, последние чаще являются формантами составных терминов [Хижняк, 1997, С.93]. Для каждой терминологии наиболее важной считается категория имени существительного, поэтому изучение ее исторического развития может стать показателем специфики взаимодействия между словообразовательной системой общеупотребительного языка и терминологической производной лексикой.

Как известно, способы терминологической номинации не имеют каких-либо различий со способами словопроизводства в общебытовом языке. Следовательно,

необходимо определить особенности терминопроизводства в научной сфере, в частности, следует выявить инвентарь аффиксов, которые применяются в терминопроизводстве. Одной из специфических единиц словообразовательной системы является производное слово. Создание новых производных слов является овеществлением определенной семантической интенции говорящего, попытки отразить новое значение в новой форме [Уфимцева, 1980].²³ Семантика производных слов обладает своей спецификой, которая объясняется особенностями сочетаемости значений компонентов, формирующих новое слово (например, основ и словообразовательных аффиксов). Из этих значений складывается общее значение нового слова. Как известно, одним из наиболее распространенных способов словообразования является аффиксация. О.С. Ахманова определяет аффиксацию как «морфологический процесс, заключающийся в присоединении аффиксов к корням или основам» [Ахманова, 1957: 61]. Префиксы и суффиксы являются служебными лексическими морфемами, которые не совпадают с основами лексических единиц, самостоятельно функционирующих в языке. Таким образом, производящей основе предшествуют префиксы, в то время как за ней следуют суффиксы. Аффиксация, обозначающая присоединение аффиксов, является одной из наиболее важных частей морфологии и словообразования языка. Другим продуктивным способом терминообразования считается формирование и применение в различных терминосистемах сложных слов. Ж. Багана в своей монографии определяет сложные слова как слова, являющиеся сочетанием основ (двух и более), которые совпадают с приводимыми в словарях формами. Исследователь определяет словосложение как морфолого-синтаксический способ образования и утверждает, что именно словосложение занимает нишу между морфологическим и синтаксическим способами соединения языковых единиц, поскольку оно включает в себе характеристики и того, и другого способа [Багана, 2012, С.114].

---

²³ Уфимцева А.А. Семантика слова / А.А. Уфимцева // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980; цит. по: Багана, 2012, С.109

Формирование сложных слов способствует достижению необходимой точности термина, ведь такие термины не только включают в себя название родового или видового понятия, но и раскрывают признаки, которые уточняют содержание основных терминов. Преимуществом таких терминов считается их способность заключать большое количество информации лишь в одной единице. Они обладают экономной и ёмкой в семантическом аспекте структурой, благодаря чему формируется наилучшая номинация специального понятия, которое мотивировано нужным количеством соответствующих признаков. Иногда простого слова не хватает для точной характеристики предмета, и для таких случаев вводится сложное слово.

Поскольку средства обозначения языка не ограничиваются лишь лексической номинацией (то есть называнием посредством слов), важную роль в терминологии играет и синтагматическая номинация, то есть именование посредством сочетаний слов. Каждая наука обладает собственными видовыми понятиями со своими существенными признаками, которые отражены в структуре словосочетания. С.П. Хижняк описывает следующим образом процесс образования терминологического сочетания: определение, сужающее значение термина, добавляется к термину-названию широкого понятия [Хижняк, 1998, С.37]. Когда то или иное понятие обростает разновидностями, происходит образование словосочетаний, которые ограничивают широкое понятие. Таким образом, родовое понятие выражается посредством базисного слова в словосочетании, а видовое – через зависимое. Это означает, что одно понятие способно конкретизировать другое.

По мнению Л.П. Шишкановой, важным признаком, отличающим многокомпонентный термин от других, является функция выражения видового специального, профессионального или научного понятий. Термин, состоящий из нескольких компонентов, выделяется своей особой информативностью, и это качество обусловлено «множеством определителей, детализаторов, конкретизаторов локализованности, причинности, следствия и условия», которые содержатся в базисном термине [Шишканова, 2008, С.76]. Примечателен тот факт,

что весь комплекс компонентов передает все понятийное содержание термина. Исследователи относят к «определителям» прилагательные, числители и причастия, а к так называемым «конкретизаторам» – некоторые формы имен существительных. Данные компоненты включаются в модели терминологических словосочетаний. Таким образом, выделяются терминологические словосочетания двух видов: двухкомпонентные и многокомпонентные. Первый вид в структурном отношении представляется простым словосочетанием, у которого зависимое слово также является слово-термином, в то время как второй вид представлен сложным (или комбинированным) словосочетанием, которое построено на базе простого.

Не менее продуктивными способами терминообразования являются терминологизация, транsterминологизация, а также использование заимствований. Ученые рассматривают процесс терминологизации как переход слова общеупотребительного языка в разряд терминосистемы. Это является результатом семантической конверсии слова, которая происходит благодаря сужению или изменению значения из-за переноса метонимического или метафорического характера [Суперанская и другие, 198, с.194]. Семная структура общебытовых слов меняется благодаря разрешающей силе системы языка, возможности создавать таким способом новые слова, а также благодаря действию внешних факторов системообразующего характера, которые влияют на включение определенных слов в терминологическую систему. Слова способны с легкостью переосмысляться и терминологизироваться, это объясняется связями общечеловеческим норм морали и права, ведь если меняются определенные нормы морали, происходит и изменение характера терминологизируемых понятий. Особо важную роль в процессе терминологизации играют имена существительные, однако в этот процесс могут вовлекаться и слова из других частей речи. С терминологизацией связан такой процесс, как транsterминологизация, которая понимается учеными как переход терминов из одной области знания в другую ввиду их переосмысления [Суперанская и другие, 1989, с.203]. Транsterминологизированные единицы представлены в научной

терминологии посредством терминов и номенов, как и общеупотребительные слова. Различие между терминологизацией и транsterминологизацией заключается в том, что для первого процесса источником обогащения является лексический фонд общеупотребительного языка, в то время как для второго им служит специальная лексика, входящая в другие терминологические системы языка. Процессы по своему характеру не различаются между собой.

Рассматривая следующий способ терминообразования, которым является заимствование, следует отметить, то лингвисты разделяют заимствования на опосредованные и неопосредованные. Разница между этими двумя видами заключается в том, что рецепция первых происходит без прямого культурного и языкового взаимодействия между социумами через письменные источники, а второй вид заимствований проникает в язык (рецептор) сугубо при наличии контактов с носителями чужого языка, и данные контакты могут характеризоваться различной степенью близости. Заимствуя уже сложившиеся термины из других языков, терминология способна пополнить свой лексический запас. Однако при заимствовании одним языком уже существующего термина из другого языка могут наблюдаться изменения заимствованного слова. Лингвисты объясняют это явление тем, что процесс заимствований реализуется в письменном виде, соответственно, возможны транслитерация и трансформация.

Язык, который заимствует иноязычное слово, усваивает его не пассивно, а трансформирует их согласно своим законам графики, фонетики, морфологии, словообразования и т.д. Как уже было указано, самым подвижным компонентом языка является его словарный состав, который находится в непрерывном процессе изменения. Словарный состав языка способен изменяться, обогащаться, отражая при этом в своем развитии определенные условия того или иного исторического периода в эволюции общества. Эти процессы не имеют непосредственной связи с системой языка; к ним могут относиться процессы, при которых реализуются изменения значения слов и расширения словарного состава посредством заимствования слов из других языков. Как утверждает Ж. Багана, распространенное традиционное понимание заимствования как проникновения

элементов одного языка в другой противоречит его объяснению как создания посредством собственных средств языка новых элементов через творческую имитацию, приблизительное копирование и пр. [Багана, 2012, С.15]. В последнее время проблема языкового заимствования стала намного чаще обсуждаться лингвистами ввиду активной разработки разнообразных аспектов взаимодействия языков. Заслуживает внимания тот факт, что среди заимствованной лексики современными лингвистами выделяется класс интернационализмов. В лингвистической литературе интернационализмы определяются как слова, которые по своей форме полностью или частично совпадают со смыслом, выражают международные понятия из области науки и техники и функционируют в разных, прежде всего, неродственных языках [Хижняк, 1997, С.101]. Следует отметить, что данное совпадение происходит с учетом соответствий звуков и графических единиц рассматриваемых языков.

Важно отметить необходимость разграничения таких понятий, как заимствования и интернационализмы. Заимствования имеют природу иноязычного происхождения и закрепляются в заимствующем языке благодаря тем или иным историческим причинам. Заимствования способны функционировать лишь в заимствующем языке. В свою очередь, интернационализмы не являются сугубо результатом заимствования лексических единиц. Интернациональная лексика является специфической межъязыковой категорией, и ее распространение и функционирование происходит в самых разных языках. Специфика интернационализма заключается в его тенденции к упрощению и редукции числа значений для определенной лексической единицы по сравнению с языком-источником.

Глава 3

Языковая политика Альфонса X Мудрого

На сегодняшний день сохранилось мало подлинных манускриптов, датированных XIII веком. Во многих текстах содержатся ошибки и противоречия, ставшие результатом копирования оригинальных текстов на протяжении нескольких веков. Редким исключением является собрание текстов эпохи Альфонса Мудрого, ставшее, таким образом, фундаментальным источником для изучения языка XIII века. Собрание манускриптов альфонсийской канцелярии по праву может считаться самым объемным из всех созданных в Средневековье по инициативе короля. Благодаря совместным усилиям королевской канцелярии и Толедской школы переводчиков были созданы памятники испанской словесности, внесшие вклад в развитие языка и литературы. Произведения этого периода охватывают три сферы знаний: история, наука и право.

Документы, составленные королевской канцелярией по инициативе Альфонса X, отражают стремления монарха в вопросах управления государством и реформирования всех его институтов. Как нами было отмечено ранее, король рассматривал законодательную деятельность как средство для консолидации власти в руках монарха. Однако не только в этом факте заключается значение текстов Альфонса X. Для того, чтобы определить ценность этих работ, в первую очередь необходимо принять во внимание личность короля Альфонса X, его постоянное стремление к знаниям, исключительную образованность и веру в то, что знание способно изменить общество. Интересы короля охватывали целый ряд научных сфер: алхимия, астрология, астрономия, право, всемирная история, история Испании, математика, минералогия и т.д. Личные интересы короля во многом объясняют его активную просветительскую деятельность. Одним из средств ее осуществления для дона Альфонса были его произведения, которые выделяются своим дидактическим характером. Его стремление донести новые знания до людей отражаются в следующем фрагменте пролога к «Лapidарию» – произведения, переведенного с арабского: «de arábigo en lenguaje castellano para

que los hombres lo entendiessen mejor y se supiesen de él más aprovechar».

Как мы знаем, Альфонс X не являлся непосредственным автором научных трудов, изданных в эпоху его правления. Его перу принадлежат «Кантиги Святой Марии», написанные на галисийском, и несколько трудов по истории и праву. Однако именно королевская инициатива сыграла решающую роль в появлении научных текстов, ведь именно Мудрый Король выбирал для перевода на кастильский язык тексты, которые были написаны на арабском и других языках и ранее были недоступны для понимания теми, кто владел только кастильским языком и латынью. Альфонс X назначал переводчиков, выбирая их из специалистов в той или иной области, корректировал переводы и вносил свои правки, если находил ложным какое-либо утверждение. Наконец, одной из главных заслуг короля Альфонса Мудрого следует считать то, что он поставил перед собой задачу превратить кастильский язык в главный на территории полуострова. Недаром в «Книге знаний об астрономии», в начале «Трактата о 48 фигурах VIII сферы» говорится следующее: *«falló las razones que entendió que eran sobeianas e dobladas e que non eran en castellano derecho e puso las otras que entendió que cumplían e, quanto en el lenguaje, enderezólo él por sí»*.

Немаловажным фактом является то, что интересами короля и его познаниями в научных сферах продиктован выбор языкового варианта и источников при составлении документов. Когда в первой половине XIII века началось производство текстов на национальном языке, на территории полуострова существовало несколько королевств, в которых говорили на разных языках. На территориях королевства Кастилии существовали разные варианты кастильского: например, западный кастильский Паленсии и Вальядолида. Во многом этот вариант совпадал с восточным леонским. Также существовал восточный кастильский Алавы, Ла-Риохи и Сории, напоминавший наваррский вариант. Все эти варианты составляли на севере диалектный континуум, ставший результатом заселения завоеванных территорий и Реконкисты (Fernández-Ordóñez, 2004, P.381). До объединения королевств Кастилия и Леон, кастильская

канцелярия практически не издавала документы на языке своего королевства, пока на престол не вступил Фернандо III. С этого момента процент текстов на романсе, опубликованных кастильско-леонской канцелярией, стал стремительно расти, и вскоре таких текстов стало больше, чем на латыни. Альфонс Мудрый, став королем, ввел это в постоянную практику. По его инициативе королевская канцелярия стала издавать документы исключительно на этом языке. Латынь была оставлена для документов, предназначенных другим королям. Большинство этих текстов относятся к периоду притязаний дона Альфонса на трон Священной Римской Империи.

Существует несколько причин, по которым кастильский вариант получил приоритетный статус: Фернандо III стал королем Кастилии раньше, чем получил власть над королевством Леон, и кастильская канцелярия уже тогда начала издавать документы на языке своего королевства. Кастильский вариант стал предпочтительным в административно-правовой практике. Таким образом, выбор языкового варианта был полностью обоснован. Усилия, приложенные Альфонсом X, способствовали превращению кастильского в язык королевского двора, то есть, в «официальный язык», на котором регулировались административно-правовые и экономические отношения.

Составление нового стандарта языка является многоуровневым процессом. Для того, чтобы поставленная цель была достигнута, этот процесс всегда должен развиваться по трем аспектам, соблюдение которых является необходимым: во-первых, выбор языкового варианта, который ляжет в основу нового стандарта языка; во-вторых, адаптация выбранного языкового варианта ко всевозможным сферам употребления; в-третьих, лингвистическая кодификация языкового варианта и закрепление его норм (Fernández-Ordóñez, 2004, P.381). Король Альфонс уделил немало внимания выполнению этих трех задач. Таким образом, были соблюдены необходимые условия для запуска долгого процесса превращения кастильского в стандарт языка. Понадобилось несколько веков, чтобы поставленная задача была выполнена.

В эпоху правления Фернандо III прослеживается его намерение распространить кастильский на все сферы употребления, однако нет доказательств того, что король усердно занимался этим вопросом и приложил столько же усилий, сколько его сын. Известно, что по инициативе Фернандо III с латыни был переведен ряд документов, среди них – пожалованные им фуэрос, например, фуэро Кордовы (текст, в основе которого лежит «Вестготская правда»). Кроме того, пик этих мероприятий приходится на последние годы его правления, когда кастильцы, завоевав Андалусию и Мурсию, обнаружили мусульманские библиотеки; именно в эти годы королевская канцелярия стала отдавать предпочтение романсе при составлении документов. Альфонс Мудрый, еще будучи инфантом, проявляет стремление начать преобразование в сфере языка. Намерения Альфонса X соответствуют одной из задач его политики – распространить в максимально возможной мере свои законы и изменить культурный облик королевства. Это стремление короля побудило составителей памятников этого периода приложить огромные усилия для адаптации кастильского к юридическим, историческим и художественным текстам, а также для введения в обиход новых научных понятий. Было необходимо обогатить кастильскую лексику различными техническими и юридическими терминами, которых не хватало в языке. Для этого были введены множественные определения новых понятий, также было создано множество неологизмов. Позднее многие из них закрепились в испанском языке.

3.1. Понятие альфонсийской нормы

Рафаэль Лапеса, чьи работы оказали весомое влияние на испанскую филологию, утверждал, что Альфонс X, редактируя собственные тексты, стремился к «унификации» письменного языка и установил определенную языковую норму (Lapesa, 1965, P.168). Им было введено понятие «*castellano drecho*» (выражение заимствовано из написанного Альфонсом X пролога к «*Libro de la ochava esfera*»), обозначавшее повсеместное внедрение единого «стандарта» языка, основанного на региональных особенностях кастильского языкового

общества. Однако такие ученые, как Р. Кано Агилар, И. Фернандес-Ордоньес и П. Санчес-Прието Борха утверждают, что выдвинутая им концепция альфонсийской нормы является неправомерной (Cano Aguilar, 1985, P.287-306; Fernández-Ordóñez, 2004, P.398-399; Sánchez-Prieto Borja, 2004, P.423-433).

Несмотря на то, что альфонсийские тексты написаны на кастильском варианте, это не отменяет присутствие диалектной вариативности. Воздействие альфонсийской нормы на стандартизацию языка распространяется только на некоторые языковые аспекты, например, на лексический уровень или построение предложений в различных видах текстов (Fernández-Ordóñez, 2004, P.399). Однако и здесь представляется сложным говорить об альфонсийской норме так, как ее понимают в настоящее время (отбор и использование определенных языковых элементов и исключение других). Несмотря на стремление составителей следовать фонетическому принципу письма, в их текстах отмечается и графическая вариативность. Таким образом, закреплённая норма отсутствует и на фонетическом, морфологическом, синтаксическом и лексическом уровнях языка. Возможно, это объясняется тем, что в создании свода принимало участие множество переводчиков, корректоров и переписчиков из разных областей Испании. Однако несмотря на объективно существующие различия в текстах, обнаруживается некая общая языковая норма, позволяющая читателям понимать эти древние тексты даже спустя несколько веков.

3.2. Графическая вариативность

Проанализировав тексты XIII века, можно сделать вывод об отсутствии гомогенности орфографии в работах королевского скриптория. Вариативность присутствует во многих произведениях этой эпохи, однако более удачным примером для доказательства этого является сопоставление свода «Семи партий» с текстом «Семерика» на предмет орфографии. Примеры графической вариативности можно разделить на несколько основных групп:

- 1) Варианты в употреблении графем $i \sim j$, $i \sim y$: *juyzio* – *juizio* – *juicio*; *destroyr* –

destruir – destruir; otrossí - otrosy - otrosi. Как утверждает Санчес-Прието Борха, слово *justicia* и его производные употребляются в альфонсийских текстах в 30% случаев как *iusticia* (Sánchez-Prieto Borja, 2004, P.433).

2) е ~ ie, о ~ uo: *mugier – muger ; antigos – antiguos; exemplo – enxiemplo*.

3) f- ~ ff-, -f- ~ -ff-, h-: *fazer – ffazer – facer – hacer ; ffallar – fallar; affincar – fincar*. Как утверждал Р. Блэйк, удвоенная ff- в начале слова использовалась для того, чтобы подчеркнуть четкое произношение [ф-] в противовес произношению начальной f- как аспираты, тем самым указывая на их фонетическое различие²⁴. Чаще всего -ff- используется в интервокальной позиции.

4) b ~ u, b ~ v: *auogado – abogado ; abenir – avenir*. U и v использовались для обозначения как гласной, так и согласной: *escriuano – escribano*. В «Семерике» неопределенный артикль пишется как *uno*, так и *uno*, в то время как в «Партидах» используется только последняя форма.

5) mb ~ nb, mp ~ np: *manssedunbre – mantedumbre; conpadradgo (136-23) – conpadradgo; conplir – cumplir*.

6) r ~ rr: *desonrra – deshonna; rrepentir – repentir*.

7) ñ ~ nn, n ~ nn: *danno – daño; ennffermo – enfermo; constrennir – costreñir*.

8) b ~ bb, c ~ cc, m ~ mm: *abbad – abad; ecclesiástica – eclesiástico; commo – como*.

9) c, ç , sc, sç, z: *tribulaçion – tribulación; conosçer – conocer – conoscer; adozir – aducir*.

10) s ~ ss: *ssegunt – segunt; ssienpre – siempre; apriessa – priesa*.

11) f ~ ph, t ~ th: *propheta – profeta; philósopho – filósofo; cathólico – católico*.

12) -d ~ -t, -nd ~ nt: *merçet – merced; voluntat – voluntad; ssegund – segund*.

Принимая во внимание упомянутое нами сравнение «Семерика» с

---

²⁴ Blake R.J., «Aproximaciones nuevas al fenómeno de [f] > [h] > [ø]», 1998, цит. по: Sánchez-Prieto Borja, 2004, P.436.

«эмбрионом Партид» (приведенное Гонсалесом Хименесом) и утверждение Кеннета Вандерфорта о связи между этими произведениями, можно прийти к выводу, что в отличие от создателей «Семерика», составители «Партид» в своем свode все же стремились придать орфографии единообразие. Однако варианты употребления графem наблюдаются в обоих произведениях.

3.3. Введение новых терминов и определений

Традиция включать в произведения толковые дефиниции идет от сочинений Святых отцов церкви и получила наивысшее развитие в «Этимологиях» Исидора Севильского²⁵. Этот нарративный памятник стали источником, которым руководствовалась королевская канцелярия при создании новых определений. Появление новых определений терминов или слов – одна из лингвистических особенностей текстов второй половины XIII века. Исследование понятий, введенных в научные тексты, было проведено профессором университета Саламанки, испанским лингвистом Л. Рубио Морено. Согласно ее классификации определений по технике построения, среди них выделяются три типа: подбор к малоупотребительному или новому термину более употребительного синонима, зачастую заимствованного из другого языка; описательные определения, раскрывающие значение логического субъекта определения; пространное описание основного значения²⁶. До начала правления Альфонса X не были заложены основы кастильской научной терминологии. На одно латинское понятие приходилось несколько терминов, также на тот период не существовало системы дефиниций. В созданном по инициативе Фернандо III переводе «Вестготской правды» на старокастильский язык был выработан ряд обобщающих понятий для обозначения научных категорий, но эти термины не вошли в язык текстов. К этому выводу приходит Рафаэль Уренья-и-Сменхауд, основываясь на

---

²⁵ Rubio Moreno L., Contribución al estudio de las definiciones léxicas de "Las Partidas" de Alfonso X el Sabio, 1988, цит. по: Niederehe, 1987, P.31

²⁶ Rubio Moreno L., Contribución al estudio de las definiciones léxicas de "Las Partidas" de Alfonso X el Sabio, 1988, цит. по: Niederehe, 1987, P.31

сравнительном лексическом анализе текста «Фуэро Хузго» и сочинении магистра Хакобо де лас Лейес «Цветы права»²⁷.

Такие понятия, как «*ley*», «*Dios*», «*pecado*» и «*rey*» имеют в «Партидах» по 10-15 определений, что можно объяснить важностью этих слов и необходимостью точной передачи их содержания. Например, во «Второй Партиде» слово «*rey*» сопровождается такими определениями, как «*Vicario de Dios*», «*cabeza del regno*», «*regidor*», «*guiador et cabdiello*» и др.

Благодаря Альфонсу Мудрому была заложена система определений старокастильских терминов, привязываемых к их латинским аналогам. Термины зачастую вводились формулировкой: «...*en romance tanto quiere decir como en latin*» («что-либо на романсе означает то же самое на латыни»). Проанализировав текст «Семерика», мы обнаружили, что с помощью словосочетания «*que quier dezir tanto como*» раскрываются по меньшей мере 22 понятия (в список не включены названия знаков зодиака): *gramática* (30-1), *geometría* (32-30), *astrología* (35-9), *secta* (47-12), *piro* (54-3), *arçobispo* (123-9), *saçerdote* (135-29), *ssigno* (155-21), *crissma* (155-26), *cathezizados* (162-15), *alleluya* (162-29), *exorcismo* (166-9), *preffaçio* (175-12), *apostaçia* (187-8), *ssacrilegio* (187-23), *blasmar* (189-1), *çitar* (192-5), *parrochia* (212-22), *solepnidad* (217-14), *comunió*n (231-36), *blago* (257-9) и *thiara* (257-37). В нескольких случаях указывается, от какого слова образовано новое понятие: например, отмечается греческое происхождение слов *piro*, *exorcismo*, *apostaçia*, *cathezizados*, *crissma*, еврейское *thiara* и *alleluya*, латинское *çitar* и *bajulans* (глагол *bajulare* означает «нести тяжести»), от которого происходит *blago* («поддержка»). Последнее слово и *cathezizados* не закрепились в языке, в отличие от всех остальных приведенных примеров (*blasmar* сохранилось как *blasfemar*).

Основываясь на полученных данных, можно сделать вывод, что новые термины не просто вводились в язык, но и контролировались в своем

---

²⁷ Flores del Derecho // Ureña y Smenjaud R. de, Bonilla y San Martín A. Obras del Maestro Jacobo de las Leyes, jurisconsulto del siglo XIII, цит. по: Fernández-Ordóñez, 2004, P. 383

употреблении, что способствовало их закреплению в языке. Таким образом, проанализировав труды эпохи Альфонса X, нами было обнаружено 369 терминов, впервые введенных в язык и закрепившихся в его современном варианте. Из них к терминосистеме астрологии (обозначения камней, явлений природы, математических операций и т.д.) относятся 26,3%, затем следуют термины из области ботаники (растений с полезными свойствами и т.д.) (15,8%). К сфере медицины относятся 13,6%, зоологии – 14,8%; затем идут термины, обозначающие различные инструменты (для построения механизмов, необходимых в астрономии, орудия труда и т.д.) (9,4%). Оставшаяся часть принадлежит терминам военного дела, церковного устройства, мерам весов и пр.

Таким образом, в терминосистеме астрономии впервые были введены такие термины, как *planeta, acimut, acuario, alheña, alidada, ángulo, astrolabio, astrología, astronomía, astrónomo, auge, bisiesto, capricornio, calendas, cáncer, cenit, centauro, unicornio, esfera* и др. Появилось множество терминов, обозначающих явления природы: например, *iris, tonidro, tormenta, relámpago, otoño, clima, diluvio*.

Были введены химические и минералогические термины: например, *alumbre, azufre, alquimia, cal, calcedonia, marfil, lamparón, joya, girgonça, jaspe, diamante, esmeralda*. Появились такие термины из области географии, как: *continente, septentrión, selva, piélago, arrecife*.

К нововведенным ботаническим терминам относятся: *cercillo, zarza, saína* (современное *zahina*), *vedegambre, bástago* (современное *vástago*), *tea, sínsamo, saxífraga, saúco, sándalo, romaza, regaliza, pelitre, perejil, pez (f), nenúfar, lapaz, jengibre, jara, abrótnano, acelga, adelfa, arraihan, azafrán*.

К терминам из области зоологии: *víbora, palomo torcado, topo, tigre, tejón, tábano, simio, sacre, raposo, pulga, piojo, peñola, pachón, nutria, musaraña, murciélagos, alcotán, carácter, carcoma*.

Введены также медицинские термины. Например, *vena, tósigo, tísico, suero, sobaco, ensarnecer, sarna, pupilo, pulmón, parálisis, pestorejo, nervio, muermo*,

molleja, adivas, alcohol, arteria, bazo, calambre, colirio, colmillo, esparaván, flema,

Термины, обозначающие различные инструменты: *vihuela, vara* (первоначально термин обозначал инструмент для пилки дерева), *trompa, tramojo, timón, tahona, palanca, azagaya, badil, barzón, carraca, cencerro*.

В «Лapidарии» и «Партидах» нами было обнаружено 81 понятие, введенное различными формулировками, основная из которых – «*que quier decir tanto como*». В 31% найденных случаев фигурируют описательные определения, раскрывающие значение субъекта определения. В большинстве найденных случаев (69%) осуществляется подбор к новому или малоупотребительному понятию более подходящего синонима, при этом из них почти половина (48%) сопровождается аналогом слова на том языке, из которого оно заимствовано (арабский или латинский). Одна из отраслей права, рассматриваемых во «Второй Партиде», – это государственное право, и в этой книге раскрываются значения понятий, заимствованных не только из латинского, но и из арабского языка. Например, XXV закон IX титула гласит: «*Almojarife es palabra de árabe, que quiere tanto decir como oficial que recabda los derechos de la tierra por el rey <...>*» (Перевод: «*Almojarife*» в переводе с арабского означает должностное лицо, которое от имени короля собирает налоги на территории королевства».)

Поскольку «Третья Партида» посвящена процессуальному праву, раскрывающиеся в ней юридические термины практически во всех случаях (75%) приводятся на латинском языке, после чего следует их объяснение на романсе. Например, в XXIII законе о клятве говорить правду на суде говорится следующее: «*juramentum calumnia á que dicen en romance jura de manquadra <...>*», затем объясняется, что термин на романсе происходит от «*la mano quadrada*» («квадратная ладонь»), и как ладонь имеет пять пальцев, так и клятва должна соответствовать 5 условиям.

3.4. Испанизмы и заимствования

К одной из основных групп слов, характеризующих лексику XIII века,

относятся слова латинского происхождения, перешедшие в кастильский и претерпевшие изменения. К этой же группе относятся слова предположительно доримского происхождения и германизмы (Clavería Nadal, 2004, P.474). Это базовые лексические единицы (например, простые существительные и глаголы действия), меняющиеся в процессе перехода от латинского языка к романсе. Одни слова существуют в современном языке, в то время как другие либо вышли из употребления, либо приобрели другое значение или закрепились в составе фразеологизмов и поговорок. Например, существительное *crisma*, которое определяется в «Семерике» как «*vntura ssanta*» («елей», «миро»), в современном языке сохранилось во фразеологизме «*partirse / romperse la crisma*» (разбить голову). Несмотря на то, что значительная часть испанизмов не вышла из употребления, некоторые слова этой группы были заменены на латинизмы. Например, прилагательное *postremero* (*postrimero*, *postrero*), употреблявшееся в языке XIII века, позднее было заменено на *ultimo*, как и характерное для языка этого периода наречие *aina* (*aprender aina*) – на *rápido*, а существительное *pro* – на *útil*²⁸. Аналогичная судьба постигает прилагательное и наречие *luengo* («*de manera que la enfermedat fuese tan grande ó tan luenga*»), чаще которого стало использоваться прилагательное *largo*.

Кроме того, в основу лексики этого периода легли группы слов, сформировавшихся во внутренних процессах в языке, и заимствований из других языков. Значительную часть последней группы составляют латинизмы и арабизмы. Окончания слов латинского происхождения адаптируются к морфологической структуре романсе, за редкими исключениями: например, слово *espíritu* («*el Espíritu santo*»).

Уже в XIII веке латинизмы охватывают многие сферы языка. Заимствования из латинского составляют значительную часть научной лексики. Практически без трансформаций в «*Estoria General*» появляются такие термины, как *agiographo*,

---

²⁸ Dworkin, Steven N. «La introducción e incorporación de latinismos en el español medieval tardío. Algunas cuestiones lingüísticas y metodológicas», 2002, цит. по: Clavería Nadal, 2004, P.475.

oceano, septentrión, dialectica, rectorica, aries, geminos, cancro, escorpion, sagitario, carpicornio, aquario. В «Книге знаний по астрономии» вводятся: *reuolution* (p. 21b, l. 18), *nascentia* (p. 21b, l. 18), *coniuction* (p. 34a, l. 32), *constellation* (p. 39a, l. 23-24). Следует отметить, что геометрический термин «угол» фигурирует в двух видах форм: как *angulos* (p. 49a, l. 50) и как *anglos* (p. 6b, l. 10).

Кроме того, к слою лексики XIII века принадлежат арабизмы. Гарсия Гонсалес отмечает, что переводчики арабских текстов стремились избегать заимствований этого происхождения и предпочитали использовать подходящий латинизм или слово, сформированное по правилам романсе²⁹. Тем не менее, арабизмы встречаются в «Семи Партидах», особенно это касается второй книги, посвященной военному праву. В этой «Партиде» лексические арабизмы используются при обозначении таких должностей, как *alguacil* («судебный исполнитель»), *alférez* («военный знаменосец»), *almojarife* («главный налоговый сборщик»), *alcalle / alcalde / alcaude* («судья»), *adalid* («командир»), *almocaden* («командир пехоты»), *almogavar* («пехотинец при нерегулярном войске») и *alfaunque/ alhaunque* – так называли переводчиков с арабского, которые помогали вызволять пленных: «*et agora queremos decir en este de los alfaunque que son trujamanes et fieles para pleytearlos et sacarlos de cativo*».

В этом предложении мы видим еще один лексический арабизм – *trujamán* («переводчик», «толмач»). Кроме того, составители используют заимствования из арабского при обозначении таких документов, как *albalaes* («королевские грамоты»), *albarán* («накладная»), а также при обозначении предметов быта: например, *talega* («мешок»). В законе о компенсациях за ранения, полученные на войне, указывается денежная единица *maravedi*. В третьей книге встречаются такие заимствования, как *tafur* («шулер»), *alcahuate* («сводник»), *albacea* («душеприказчик»), *alquilé* («аренда») и *albuera* «пруд». Многие арабизмы сохранились в языке, некоторые – с измененным значением (современное

---

²⁹ García González, J., Clases de arabismos en los textos alfonsíes, 1993, цит. по: Clavería Nadal, 2004, P.480.

значение слова *alcalde* – «мэр», а *alférez* – «прапорщик»). Из употребления вышли слова *almojarife*, *almocadenes*, *almogavar*, *alfaqueeque*, *albala*.

Множество терминов было введено в кастильский язык в форме заимствований из греческого языка. Например, были заимствованы следующие медицинские термины: *estómago* (< *stomachus*), *flema* (< *phlegma*), *parálisis* (< *paralysis*), *dieta* (< *diaeta*). В трактате «Лапидарий» о свойствах камней впервые появились следующие термины: *diamante* (< *diamas*), *esmeralda* (< *smaragdus*), *jaspe* (< *iaspis*), *tósigo* и *atosigar* (< *toxicum*). В «Книге знаний по астрономии» и «Семерике» посредством заимствования из греческого языка вводятся астрономические, географические и морские термины: например, *astronomía*, (а также формы *astrónomo* и *astrólogo*), *piélago* (< *pelagus*), *proa* (< *prōra*), *clima*, *planeta*. Список зоологических терминов пополняется такими словами, как: *cocodrilo*, *camello* (от которого в ту же эпоху был образован термин *gamella*, обозначающий дугу у каждого конца ярма), а также обозначениями мифических существ: *centauro*, *dragón*.

На лексику XIII века, помимо заимствований из латинского, греческого и арабского языков, оказали свое влияние галлицизмы, окситанизмы и каталанизмы. Найденных случаев употребления этих заимствований значительно меньше, чем арабизмов и латинизмов. Окситанский и каталанский являются близкородственными языками, поэтому представляется трудным установить, из какого именно языка происходит рассматриваемое слово. Например, исследователи относят как к каталанскому, так и к окситанскому языку слово *manjar* («пища»).

Из галлицизмов, окситанизмов и каталанизмов, приведенных Ж. Короминасом и Д. Колоном³⁰ как свойственных языку XIII века, встречаются такие заимствования, как: *ligero* («проворный»), *adobar* («готовить пищу»), *duque* («герцог»), *deán* («настоятель»), *estandarte* («знамя»), *dardo* («короткое копье») –

---

³⁰ Colón Domenech, Germán (1967a): «Catalanismos», en M. Alvar et al., Enciclopedia Lingüística Hispánica, Tomo II: Elementos constitutivos. Fuentes, Madrid: CSIC, 193-238

из французского языка; *pres* («почет»), *bozón* («таран»), *vianda* («пища»), *cartabón* («угольник»), *joya* («драгоценность») – из окситанского языка. Широко используются синонимы *mester* и *menester* («нужда», «занятие», «профессия») в сочетании с глаголами *haber* и *ser*. При этом, как утверждает С. Дворкин, *mester* происходит от старофранцузского *mestier*, в то время как *menester* образовано от окситанского слова *menestier*³¹.

Словарь Королевской испанской академии насчитывает около 350 каталанизмов, из них встречаются такие заимствования, как *acotar* («межевать»), *adrede* («намеренно»), *bacin* («ночной горшок»), *doncel* («юноша»), *papel* / *paper*. Несмотря на то, что галлицизмов, оскитанизмов и каталанизмов сравнительно меньше, большинство из найденных нами случаев закрепились в лексике XIII века и продолжает существовать в современном языке.

3.5. Терминообразование в лексике XIII века

Создание новых специальных лексических единиц с помощью правил словообразования является одной из характерных лексических особенностей текстов XIII века. Новые слова образуются с помощью прибавления префиксов и суффиксов, словосложения, перехода основы слова в другую парадигму словоизменения и аббревиации (Haring, 1973, P.7). Большинство суффиксов заимствовано из латыни. Существует множество суффиксальных словообразовательных моделей. Например, N + *ada*, где суффикс зачастую обозначает удар или имеет собирательное значение: *palmada* («*déuel dar estonçe vna **palmada***»), *vegada* (адвербиальное выражение *a las vegadas* («порой») часто используется в «Партидах»: только во 2, 3, и 4 книгах нами были обнаружены 102 случая употребления, таких, как: «*Matan **a las vegadas** algunos omes a sus mugeres sin razon, e sin derecho*» и *alzada* («апелляция») («*et las **alzadas** de los pleytos*»).

Суффикс *-adgo* / *-adga* (от латинского *-aticus*) используется при обозначении

---

³¹ Dworkin, Steven N., «Mester and Menester. An early Gallicism and a Cognate Provençalism as Rivals in Older Hispano-Romance», 1972, цит. по: Clavería Nadal, 2004, P.481-483.

различных пошлин: «**Portadgo** («провозная пошлина») *puede quitar el rey á alguno*»: «**Marzadga** («налог, оплачиваемый каждый март (лат. Martius)), *ó moneda, ó martiniega ó fonsadera*». Кроме того, с его помощью обозначаются должностные обязанности («*Arrendamiento quel rey faga de **almoj(x)arifadgos** («сбор налогов»))*») и степени родства («*Spiritual parentesco, es **compadradgo** («восприемничество») que nasce entre los omes por los Sacramentos*»).

Суффикс -ança (отлатинского -antia) прибавляется к основам глаголов первого спряжения: «*después de su muerte ganaron las almas **folgança** («отдых»))*», «*acusança* («*el pleyto de la acusança* («обвинение»))»), «*allegança* («объединение», «союз») *que fazen los omes entre sí*».

Среди заимствований из латинского часто встречается суффикс -dad / -tad (от латинского -tate), который используется в абстрактных существительных: «*auctoridat* («престиж») *del Ssalmista*» (248-36), «*heredat(d)* («наследие») *de los çielos*», «*dey(i)dad(t)* («*cubrió la ssu **deidat** («божество») con la vmanal carne*»).

Суффикс -dum(n)bre (<лат. tumine <tudo, -inis) образует из прилагательных абстрактные существительные: «*por ssuzendunbre* («нечистота») *que rreçibió en ssí por el peccado*», «*la **gravedumbre** («труднодоступность») del logar*», «*mansedumbre* («*criarlos han mas amorosamente et con **mansedumbre** («кротость»))*»).

Многие отглагольные существительные образованы посредством прибавления суффикса -dura (<лат. -tura): например, «*pesadura* («*es que ssuffre el que la viste mejor la **pesadura** («тяжесть») della*»), «*fiaduras* («поручительство») *fazen los omes entre si*», «*cerradura* («*Pon señor guarda á la mi boca et **cerradura** («замок») de puerta á los mis labios*»).

Новые существительные образуются при присоединении суффиксов -ez и -eza (<лат. -ities, -itia) к основам исконно испанских существительных и прилагательных (Clavería Nadal, 2004, P.485). Например, «*la **delgadez** o la gordura* («худоба»))», «*ninnez* («*Ende **ninnez**, que es la primera, dura mientre el non ssabe nin puede comer e mama*»)), «*longueza e **ladeza** («ширина») ha muy grande*».

Суффикс -ía прибавляется к основам как исконно испанских, так и заимствованных из других языков существительных и прилагательных. Слова, образованные с помощью этого суффикса, фигурируют довольно часто: *lazería* («*suffrió trabaio e affán e **lazería** («бедствие») por Dios»*), *mançebía* («*por **mançebía** («юность») errauan»*), *sabido(u)ría* («*Física tanto quiere decir como **sabiduría** («знание») para conocer las cosas segunt natura»*).

Также используется суффикс -miento (<лат. -mentu), образующий существительные на основе исконно испанских глаголов. В XIII веке этот суффикс сочетается с основами слов, заимствованных из латинского: от глагола *autoricare* происходит глагол *otorgar*, от которого образовалось существительное *otorgamiento* («*non la debe ninguno tener sin **otorgamiento** («разрешение», «согласие») del rector del estudio»*). Образованные слова заменили латинские существительные с суффиксом -tione³². Например, «***allegamiento** («союз») perdurable»* (<лат. *allegatio*).

Суффикс -ura, прибавляясь к основам имен прилагательных, образует существительные, обозначающие свойство: *fermosura* («*el espíritu alegre del home face la su vida florida et de **fermosura**»*), *amargura* («*llorando congrant **amargura** («печаль») del corazón»*). Кроме того, этот суффикс указывает на завершенность действия, обозначаемого новым существительным: *cong(j)etura* («*en virtud de **conjeturas** («предположение») se arguye»*).

К основам латинизмов и исконно испанских слов также прибавляется суффикс -ción (-sión, -ión). Слова, образованные таким способом, часто встречаются в текстах альфонсийской канцелярии. Например, *entención* («*non con **entençión** («намерение») de matarle»*), *presuncion* («*quier sean por testigos, ó porseñales, ó por **presunciones** («презумпция», «предположение»)»*), *partición* («*meter a **partición** («раздел [имущества]) con ese su hermano todas las ganancias»*).

---

³² R. Penny, «Derivation of Abstracts in Alphonsine Spanish», 1987, цит. по: Clavería Nadal, 2004, P.485.

Кроме того, отглагольные существительные могут образовываться с помощью суффиксов -а и -о, обозначающих действие или результат: *riepto* («поединок»), *castigo*, *comienço*, *ffurto* («кража»), *yerro* («преступление»), *iura* («клятва», «присяга»), *demanda* («иск», «прошение»), *fablas* («речи»). При этом, как утверждает Жоан Короминас, *fabla* происходит не от глагола *hablar*, а от латинского существительного *fabula*; «в современном языке *fabla* выполняет функции производного слова от глагола *hablar*, но раньше у этого слова существовали близкие к латыни значения: «изречение», «пословица», «совет» (Corominas, 1984, II-296).

Суффикс -dero / -dera (<лат. -toriu) участвует в образовании отглагольных существительных и прилагательных при обозначении свойства (например, *valedero* («*tal enajenamiento es valedero* («законный»))), а также места или профессии: *nadadera* («*Ve, láuate en la nadadera de Siloé* «[Силоамская] купель»)), *mercadero* («*sin sabiduria del mercadero* («торговец»))).

Отглагольные прилагательные и существительные формируются посредством прибавления суффикса -dor (lat. -tor, -toris). С его помощью обозначается лицо, называемое по роду занятий, убеждений. Часто употребляются слова с этим суффиксом, обозначающие различные должности и обязательства: *judgador* («судья»), *fiador* («поручитель»), *cogedor* («сборщик налогов»), *pesquiridor* («дознатель»), *matador* («убийца»), *tenedor* («владелец»), *conseidor* («советник»), *gobernador* («правитель»), *confirmador* («подтверждающее лицо»), *procurador* («адвокат»), *furtador* («вор»), *demandador* («истец»), *aforrador* («освободитель [рабов, пленных]»), *avenidor* = *alvedriador* = *árbitro* = *arbitrador* («судья», «арбитр»), *acusador* («обвинитель»), *destorvador* = *embargador* («препятствующий расследованию»), *contendor* («процессуальный противник»), *testador* («наследник»), *guardador* («опекун»), *debdor* («должник»), *registrador* («*Registradores* («регистратор») *son dichos otros escribanos* («писари»)), *seellador* («хранитель печати»), *revolvedor* («зачинщик мятежа»), *falsador* («подделыватель»), *porfijador* («усыновитель») и *apreciador* («свидетель»).

Существительные, к которым прибавляется суффикс -ero / -era (<лат. -arius), обозначают профессии или обязанности: *mandadero* «посланник», *heredero* «наследник», *medianero* «посредник», *consejero* «советник», *mesnadero* «солдат», *repostero* «личный повар короля», *camarero* «камергер», *despensero* («кладовщик»), *portero* («привратник»), *posadero* «содержатель постоянного двора», *personero* = *vocero* («адвокат»). Кроме того, в «Партидах» часто употребляется прилагательное *derechurero* («прямой», «правильный», «справедливый»), образованное с помощью суффикса -ero: «*como rey derecho debe facer*».

В связи с многообразием рассмотренных способов словообразования появляется ряд синонимичных лексических единиц, отличающихся только суффиксом: например, *quebrantadura* – *quebrantamiento*; *heredat* – *heredamiento*; *mandadería* – *mandado* – *mandamiento*, *perdon* – *perdonamiento*, *alzada* – *alzamiento*, *cativo* – *cativerio*, *donadio* – *donación* и др.

Прибавление таких суффиксов, как -ear (<лат. -idiare) и -izar (<лат. -izare), помогает образовать, помимо существительных и прилагательных, глаголы и наречия. Рассматривая эти суффиксы относительно их использования в текстах, можно прийти к выводу о том, что данные морфемы еще только начинали использоваться. Нами были обнаружены только несколько случаев употребления -ear, при этом большинство из них относятся к военной лексике: *guerra* + -ear = *guerrear* («вести войну»), *saltear* («нападать», «неожиданно атаковать»), *carcavear* («укреплять окопами»), *almonedear* («продавать»), *pleytear* («тягаться», «бороться»). Суффикс -izar используется крайне редко, например, в латинизме *romadizar* («сморкаться»).

Широко используется суффикс -mente (-miente, -mientre), участвующий в образовании наречий, которые обозначают образ действия. Суффикс происходит от латинского существительного *mens*, *mentis* и часто прибавляется к прилагательным, производным от причастий: *complidamente* – *complidamiente*, *luengamente* – *luengamiente*, *firmente* –

ffirmemientre, verdaderamente – uerdaderamientre – verdaderamiente. Наречий с суффиксом *-mientre* во второй и третьей книгах «Партид» только 5, в то время как в четвертой и пятой «Партидах» они отсутствуют. Другая ситуация обстоит в «Семерике», где нами были найдены 16 случаев употребления. Однако, как утверждает Кеннет Вандверфорт, в толедском манускрипте «Семерика» наречия с суффиксом *-mientre* составляют лишь 9% из общего числа, в то время как в 91% случаев используется суффикс *-miente* (Setenario, 1945, LXXIII).

В процессах словообразования также участвовали префиксы. Х. Гарсия Медаль отмечает: «В языке XIII века система префиксов содержала значительно меньше морфем, чем в современном языке»³³. В этот период наиболее употребительны такие префиксы, как *a-*, *en-*, *re-*, *des-*. Первые два префикса участвуют в образовании глаголов, прилагательных и наречий. Любопытным случаем является этимология прилагательного *arreatado*: Жоан Короминас определяет глагол *arreatar* как «*quitar con violencia*» (Corominas, 1992, P.810), в то время как Мария Молинер утверждает, что значение этого глагола – «*arrastrar o llevarse algo con prisa*» (Moliner, 1986, P.251). В случае, обнаруженном нами в «Семерике», имеется в виду поспешное действие: «*non mucho arreatado nin muy de uagar*». Префиксы *en-* и *re-* участвуют в образовании таких глаголов, как *enagenar* («передавать [имущество]»), *enxerir* («вмешивать»), *renegar* («отрекаться»), *retraer* («рассказывать») и др.

Префикс *des-* образует лексические единицы, обозначающие отрицание, отсутствие или недостаток чего-либо. Нами было зафиксировано частое употребление *des-* (не включая грамматические формы слов): например, часто встречающееся *desheredar* («лишить наследства»), *desatar* («аннулировать»), *desmemoriado* («слабоумный»), *desauenencia* = *desacuerdo* («несогласие сторон»), *desterrado* («изгнанный»), *desmandado* («бесчинствующий»), *desapoderar* («лишить»), *desconoscencia* («отказ») и другие.

---

³³ J. García Medall, «Sobre los prefijos verbales en español medieval», 1988, цит. по: Clavería Nadal, 2004, P. 489.

Кроме того, употребляются префиксы *de-*, *co(n)-*, *so-*, *sobre-*, *tras-*, *contra-*: например, *demandar* («предъявить иск»), *condenpnar* («осудить»), *ssotener* («поддерживать»), *sobrejuez* («верховный судья»), *traspasar* («нарушить закон»), *contraffazer* («подражать»).

Другим механизмом словообразования является переход основы слова в другую парадигму словоизменения. С его помощью причастия переходят в категорию прилагательных или существительных. *criado* («слуга»), *mandado* («приказ»), *adelantado* («верховный судья»), *letrado* («грамотный»), *tuerto* («кривда», «деликт»). Слово *mesurado*, являющееся по форме причастием, адвербиализуется рядом с наречием: «*deben seer muy mesurados* («осторожный»)». Кроме того, в категорию существительных переходят инфинитивы некоторых глаголов: «*oir cantares* («песня»)», «*tomar dellos yantares* («налог на прокормление солдат»)», «*adobando sus comeres*», «*el andar* («ходьба») *no conviene que lo faga mucho apriesa*», «*su yacer* («местонахождение»)».

Распространенным механизмом создания новых лексических единиц является словосложение. Поскольку слова, образованные таким способом, претерпели изменения в процессе языковой эволюции, на данный момент трудно установить, какие латинские слова легли в основу новой испанской лексической единицы. Например, *romero* («розмарин») происходит от *ros marinus* (Clavería Nadal, 2004, P.490), и *mientras* – от *dum interim*. Образование существительных и прилагательных осуществляется путем слияния этих двух компонентов, при этом существительное может стоять как на первом месте, так и на втором. Например, уже упомянутое нами существительное *manquadra*, которое обозначает клятву истца и ответчика говорить правду на суде: оно образовано при присоединении латинского *manus* к прилагательному *quadrus*. В латинском языке механизм словосложения использовался редко, однако некоторые из образовавшихся слов фигурируют в текстах и закрепились в современном языке: например, *fideicomiso* (*fidei* + *commissus*) («назначение наследника по завещанию») и *usufruto*– *usofruto* (*usus* + *fructus*) («вещное право пользования чужим имуществом»). В сложении

также участвуют и глаголы: при сложении *manus* и *capere* появилось существительное *mancebia* («юность»), при присоединении *manus* к глаголу *tenere* образовался глагол *mantener* («содержать»), при сложении *manus* и *festare* – глагол *manifestar* («обнаружить», «проявить»). Есть и другие слова, образованные путем сложения: *aguaducho* (<лат. *aquaeductus* = *aqua* + *ducto*) («наводнение»), *tiracol* («перевязь для щита»), *misacantano* («священник, отслуживающий мессу»). Присоединение наречий *bien* и *mal* создает новые слова (за исключением некоторых латинизмов): *bienandante* («удачливый»), *bienauenturado* («блаженный»), *maltraer* («нанести поражение»), *malffechor* (латинизм, происходит от *maleficium* и обозначает «преступник») и др.

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод о том, что в XIII веке на становление словарного состава языка оказали значительное влияние испанизмы, заимствования из других языков и слова, сформировавшиеся в процессе внутреннего развития языка. Отчетливо прослеживается влияние латинского языка. В период правления Альфонса Мудрого начинает создаваться национальный язык, и в этом процессе активно участвуют механизмы словообразования (аффиксация, словосложение и переход слов одной части речи в другую (конверсия)). Рассмотрев 18 видов суффиксов и 10 видов префиксов, мы приходим к выводу, что в этот период непосредственное влияние на развитие системы аффиксов оказывает латинский язык, из которых заимствовано большинство рассмотренных морфем. Многие из рассмотренных слов, вошли в лексику этого периода и сохранились в современном языке. Именно по инициативе Альфонса X начинают закладываться основы научной терминологии – отдельного пласта языка. Каждый термин, попадая в научную сферу, обретает собственный набор значений, которые отличаются от обыденного словоупотребления. Из этого следует, что при заимствовании терминов и понятий языком-реципиентом их первоначальный смысл может меняться или утратиться. Эта гипотеза была высказана в конце 60-х годов XX века итальянским ученым

Антонио Каркатерра³⁴. Как мы убедились при рассмотрении введенных в язык терминов, нередко их значения в современном понимании отличаются от их определений в XIII веке. Заимствованные термины и понятия зачастую меняют или вовсе теряют свой первоначальный смысл. Например, часто употребляющийся в «Лapidарии» термин *licor*, введенный альфонсийской канцелярией и изначально обозначавший любой вид жидкости, поменял свое значение и теперь относится только к алкогольному напитку. В связи с упразднением различных должностей, пошлин и обычаев из употребления исчезают такие понятия, как *portadgo* (актуальный синоним – *peaje*), *marzadga*, *fonsadera*, *riepto* (заменено на *reto*), *almojarife*, *porfijador* (заменено на *prohijador*), *almocaden*, *almogavar*, *alfaunque*, *merino*, *alvedriador*, *mesnadero*, *vocero*, *peño* (актуальный синоним – *prenda*), *fiadura* (заменено на *fianza*), *caloñar* (заменен на латинизм *calumniar*), *enxerir*. Меняется смысл таких определений, как *compadradgo* («восприемничество» → «кумовство» + «тесная дружба»), *mancebia* («юность» → «дом терпимости»), *aforrar* («отпускать на волю» → «освободить» + «экономить»), *matador* («убийца» → «убийца» + «матадор»), *seellador* («хранитель печати» → «маркировщик»), *adalid* («командир» → «командир» (с ироническим оттенком)), *alférez* («знаменосец» → «поручик»), *alcalle* («судья» → «мэр»), *mayoral* («руководитель» → «старший пастух», «мастер»), *alcahuete* («сводник» → «сводник» + «сплетник», «доносчик»), *apreciador* («свидетель» → «оценщик», «ценитель»), *desatar* («аннулировать» → «развязать», «ликвидировать», «прояснить»), *adelantado* («верховный судья» → «преждевременный», «преуспевающий»). Существительные, обозначающие пошлины, налоги и штрафы сопровождаются глаголами *pechar* или *pagar*. При этом, как утверждает Хименес Хурадо, глагол *pagar* в альфонсийских текстах употребляется реже³⁵. Проанализировав содержание «Партид» (II-VI книги), мы

---

³⁴ Carcaterra A. *Struttura del linguaggio giuridico-precettivo romano*. Bari, 1965, цит. по: Tilander, 1967, P.449.

³⁵ Giménez Jurado J., «El estilo de los fueros medievales», 1995, цит. по: Clavería Nadal, 2004, P.493.

можем сделать вывод о том, что глагол *pagar* встречается чаще, чем *pechar* (630 случаев употребления против 468). *Pagar* чаще всего употребляется с существительными *vendida* или *deuda*, в то время как *pechar* несет в себе некую отрицательную коннотацию, сопровождая такие существительные, как *multa* и *tributo*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подходя к концу работы, вернемся к ключевым выводам и положениям. Начало складывания правовых традиций не было единственным направлением, которое стало развиваться в кастильском языке в рассматриваемую эпоху. Благодаря инициативе короля Альфонса X Мудрого был запущен культурный проект, результатом которого стала адаптация кастильского языка к тем научным дисциплинам, преимущество в которых раньше оставалось за латынью и арабским языком. Собрание работ альфонсийской канцелярии не имеет сугубо энциклопедического характера: оно охватывает целый ряд понятий научного знания, которые привлекали интерес Альфонса X. Личность этого короля оказала неоценимое влияние на становление испанской правовой системы, а также на развитие культуры и науки. Произведения, созданные по инициативе Альфонса X, сделали приоритетными основы науки и римско-канонического права в частности. Научные труды, созданные королевской канцелярией, стали большим новшеством в истории науки и отражают особенности языка этого периода. На процесс становления терминологического состава языка оказали значительное влияние испанизмы, заимствования из других языков и слова, сформировавшиеся в процессе внутреннего развития языка. Начинает создаваться специальный язык, и в этом процессе активно участвуют механизмы словообразования (аффиксация, словосложение и конверсия). В этот период влияние на развитие системы аффиксов оказывает латинский, греческий и арабский языки, из которых заимствовано большинство рассмотренных морфем.

Кроме того, начинают закладываться основы научной терминологии. Было обнаружено, что новые термины не просто вводились в язык, но и контролировались в своем употреблении, что способствовало их закреплению в языке. Таким образом, проанализировав труды эпохи Альфонса X, нами было обнаружено 369 терминов, впервые введенных в язык и закрепившихся в его современном варианте. Из них к терминосистеме астрологии (обозначения камней, явлений природы, математических операций и т.д.) относятся 26,3%,

затем следуют термины из области ботаники (именования растений с полезными свойствами и т.д.) (15,8%). К сфере медицины относятся 13,6%, зоологии – 14,8%; затем идут термины, обозначающие различные инструменты (для построения механизмов, необходимых в астрономии, орудия труда и т.д.) (9,4%). Оставшаяся часть принадлежит терминам военного дела, церковного устройства, мерам весов и пр.

Как утверждают И. Фернандес-Ордоньес, П. Санчес-Прието Борха и др., в период правления Альфонса Мудрого не наблюдалось строгой нормы на фонетическом, морфологическом, синтаксическом и лексическом уровнях языка. Мы убедились в этом, рассмотрев графическую вариативность текстов.

Большинство из 135 рассмотренных нами юридических терминов (33%) относятся к процессуальному праву, четвертая часть – к государственному и военному. Общеправовые термины составляют 13% из общего числа. Одинаково найденное количество терминов, принадлежащих к наследственному и уголовному праву (8%). Список замыкают обязательственное и семейное право (7% и 6% соответственно). Из употребления выходит около 15 % терминов, что свидетельствует о том, что большая часть лексических единиц закрепились в языке, изменив или сохранив свое первоначальное значение.

Список использованной литературы

Источники

- 1) Alfonso X. Lapidario / Alfonso X, rey de Castilla; texto íntegro en version de María Brey Mariño. – 2-da ed. – Madrid: Editorial Castalia, 1970. – 276 p.
- 2) Alfonso X. Libros del saber de astronomía del rey D. Alfonso de Castilla / M. Rico y Sinobas (eds.). – Madrid: Tip. Eusebio Aguado, 1863-1867. – 5 vols.
- 3) Alfonso X. Libro de las cruces / Ll. A. Kasten, L.B. Kiddle (eds.). – Madrid: Madison, CSIC, Instituto “Miguel de Cervantes”, 1961. – 219 p.
- 4) Alfonso X. El libro conplido en los iudizios de las estrellas / G. Hilty (ed.). – Madrid: Real Academia Española, 1954. – 123 p.
- 5) Alfonso X. Primera Crónica General, Estoria de España / publicada por Ramón Menéndez Pidal. – Tomo I. – Madrid: Bailly-Bailliere é hijos, 1906. – 776 p.
- 6) Alfonso X. Las Siete Partidas / Gregorio López (ed.). – T. IV-VII. – Madrid: Compañía General de Impresores y Libreros del Reino, 1843-1844. – 534 p.
- 7) Alfonso X. Setenario / K.H. Vanderford (ed.) – Buenos Aires: Instituto de filología, 1945. – 271 p.

Литература на иностранном языке

- 1) Alemany Bolufer, J. Tratado de formación de las palabras en la lengua castellana. La derivación y la composición. Estudio de los prefijos y sufijos empleados en una y otra / J. Alemany Bolufer. – Los Angeles: HardPress Publishing, 2013. – 228 p.
- 2) Alvar M., Mariner S. Latinismos / M. Alvar et al. (dirs.), Enciclopedia Lingüística Hispánica, Tomo II: Elementos constitutivos. Fuentes. – Madrid: CSIC, 1967. – p. 3-49.
- 3) Cano Aguilar, R. Castellano ¿drecho? / R. Cano Aguilar. – Santiago de Compostela: Verba (12), 1985. – p. 287-306.
- 4) Cano Aguilar R. Comentario filológico de textos medievales no literarios / R. Cano

Aguilar. – Madrid: Arco / Libros, S.L., 1998. – 96 p.

5) Clavería Nadal, G. El latinismo en español / G. Clavería Nadal. – Bellaterra: Universitat Autònoma de Barcelona, 1991 – 68 p.

6) Clavería Nadal G. Los caracteres de la lengua en el siglo XIII: el léxico / R. Cano (coord.), Historia de la lengua Española. – Barcelona: Editorial Ariel, 2004. – p. 473-504.

7) Colón Domenech, G. Catalanismos / M. Alvar et al. (dirs.), Enciclopedia Lingüística Hispánica, Tomo II: Elementos constitutivos. Fuentes. – Madrid: CSIC, 1967. – p. 193-238.

8) Colón Domenech, G. Occitanismos / M. Alvar et al. (dirs.), Enciclopedia Lingüística Hispánica, Tomo II: Elementos constitutivos. Fuentes. – Madrid: CSIC, 1967. – p. 153-192.

9) Domínguez Rodríguez, A. Astrología y arte en el Lapidario de Alfonso X el Sabio. – Madrid: Edilán, 1984. – 119 p.

10) Elvira J. Los caracteres de la lengua: gramática de los paradigmas y de la construcción sintáctica del discurso / R. Cano (coord.), Historia de la lengua Española. – Barcelona: Editorial Ariel, 2004. – p. 449-472.

11) Fernández Galiano, M. Helenismos / M. Alvar et al. (dirs.), Enciclopedia Lingüística Hispánica, Tomo II: Elementos constitutivos. Fuentes. – Madrid: CSIC, 1967. – p. 51-77.

12) Fernández-Ordóñez I. Alfonso X el Sabio en la historia del español / R. Cano (coord.), Historia de la lengua Española. – Barcelona: Editorial Ariel, 2004. – p. 381-422.

13) Galmés de Fuentes, A. Dialectalismos / M. Alvar et al. (dirs.), Enciclopedia Lingüística Hispánica, Tomo II: Elementos constitutivos. Fuentes. – Madrid: CSIC, 1967. – p. 307-324.

14) Gamillscheg, E. Germanismos / M. Alvar et al. (dirs.), Enciclopedia Lingüística

Hispánica, Tomo II: Elementos constitutivos. Fuentes. – Madrid: CSIC, 1967. – p. 79-91

15) González, C. La tercera crónica de Alfonso X: «La Gran Conquista de Ultramar» / C. González. – London: Tamesis Books Limited, 1992. – 165 p.

16) Haring J.M. La formación de palabras en el Setenario de Alfonso X el Sabio / J.M. Haring. – Amsterdam: Universiteit van Amsterdam, 1973. – 314 págs.

17) Lapesa R. Historia de la lengua Española / R. Lapesa. – Madrid: Editorial Gredos, 1981. – 690 p.

18) López Estrada, Francisco. Fuentes literarias / M. Alvar et al. (dirs.), Enciclopedia Lingüística Hispánica, Tomo II: Elementos constitutivos. Fuentes. – Madrid: CSIC, 1967. – p. 279-392.

19) Nederehe, Hans-J. Alfonso el Sabio y la lingüística de su tiempo / Hans-J Nederehe. – Madrid: SGEL, 1987. – 251 p.

20) Pottier, B. Galicismos / M. Alvar et al. (dirs.), Enciclopedia Lingüística Hispánica, Tomo II: Elementos constitutivos. Fuentes. – Madrid: CSIC, 1967. – p. 127-151.

21) Salvador, G. Lusismos / M. Alvar et al. (dirs.), Enciclopedia Lingüística Hispánica, Tomo II: Elementos constitutivos. Fuentes. – Madrid: CSIC, 1967. – p. 239-261.

22) Sánchez-Prieto Borja, P. Sobre la configuración de la llamada “ortografía alfonsí” / A. Alonso et al., (eds.), Actas del III Congreso Internacional de Historia de la Lengua Española, I. – Madrid: Arco Libros, 1996. – p. 913-922.

23) Sánchez-Prieto Borja P. La normalización del castellano escrito en el siglo XIII. Los caracteres de la lengua: grafías y fonemas / R. Cano (coord.), Historia de la lengua Española. – Barcelona: Editorial Ariel, 2004. – p. 423-448.

24) Steiger, A. Arabismos / M. Alvar et al. (dirs.), Enciclopedia Lingüística Hispánica, Tomo II: Elementos constitutivos. Fuentes. – Madrid: CSIC, 1967. – p. 93-126.

25) Tilander, Gunnar. Fuentes jurídicas / M. Alvar et al. (dirs.), Enciclopedia

Lingüística Hispánica, Tomo II: Elementos constitutivos. Fuentes. – Madrid: CSIC, 1967. – p. 447-460.

Литература на русском языке

- 1) Альтамира-и-Кревеа М. История Испании / М. Альтамира-и-Кревеа. - М.: Издательство иностранной литературы, 1951. – 519 с.
- 2) Аникеева А.А. Эволюция налоговой терминологии и развитие форм налогов / А.А. Аникеева. Препринт # WR/2002/19. Волгоград, 2002. – 55 с.
- 3) Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии / О.С. Ахманова – М.: Изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1957. – 294 с.
- 4) Багана Ж. Терминообразование в языке науки: Монография / Ж. Багана, Е.Н. Таранова – М.: ИНФРА-М, 2012. – 144 с.
- 5) Будагов Р.А. Развитие французской политической терминологии в XVIII веке / Р.А. Будагов – М.: Добросвет-2000, 2002. – 176 с.
- 6) Васильева Н.В. К семантическому и функциональному описанию греко-латинских терминоэлементов в лингвистической терминологии / Вопросы языкознания, 1983, №3. – С.71-79
- 7) Даниленко В.П. О терминологическом словообразовании / Вопросы языкознания. – 1976. №4. – С.64-71
- 8) Реформатский А.А. Введение в языкознание / А.А. Реформатский. – М.: Аспект пресс, 2000. – 536 с.
- 9) Суперанская А.В. Общая терминология: Вопросы теории / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева. – М.: Наука, 1989. – 246 с.
- 10) Суперанская А.В. Терминология и номенклатура / Проблематика определения терминов в словарях разных типов. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1976. – С.73-83
- 11) Хижняк С.П. Формирование и развитие терминологичности в языковой системе / С.П. Хижняк. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1998. – 39 с.

12) Хижняк С.П. Юридическая терминология: формирование и состав / Под ред. Л.И. Баранниковой. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1997. – 133 с.

13) Шишканова Л.П. Формирование немецкой юридической терминологии / Л.П. Шишканова. – М.: Издательство «Научная книга», 2008. – 97 с.

14) Юдина Е.Н. Юридическая терминология как часть лексической системы современного французского языка (структурно-семантический анализ) / Филологические науки в МГИМО. Сб-к науч. трудов № 13 [28], сс. 212-219. М.: МГИМО (У) МИД России, 2003. – 298 с.

Ресурсы удаленного доступа

1) Corpus del español [Электронный ресурс]. URL: <http://www.corpusdelespanol.org> (дата обращения: 01.05.2018).

2) Diccionario de la Real Academia Española [Электронный ресурс]. URL: <http://lema.rae.es/drae> (дата обращения: 20.04.2018).

Словари и справочники

1) Carrera R. Diccionario de etimologías de la lengua castellana. – Madrid: Imprenta de Don Marcelino Calero, 1837. – 314 p.

2) Corominas, J. Diccionario crítico etimológico de la lengua castellana. – 4 vols., Madrid-Berna: Gredos-Francke, 1954-1957.

3) Corominas J., Pascual A.J. Diccionario crítico etimológico castellano e hispánico. – T. I-V. – Madrid: Editorial Gredos, 1992.

4) Lugones L. Diccionario etimológico del castellano usual. – Buenos Aires: Academia Argentina de Letras, 1944. – 622 p.

5) Moliner M. Diccionario de uso del español. – T. I-II. – Madrid: Editorial Gredos, 1986.

6) ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева, 2-е изд., доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с.

7) Советский энциклопедический словарь / Гл.ред. А.М. Прохоров. 2-е изд. – М: Сов. энцик., 1983. – 1600 с., ил.

8) Этимологический словарь русского языка в 4 томах / М. Фасмер. – М: Терра, 2008. – 2944 с.